
БИБЛИОТЕКА
МОРСКОГО
ОФИЦЕРА
В. Ф. ГОЛОВАЧЕВ
ЧЕСМА
1944
ВОЕНМОРИЗДАТ

БИБЛИОТЕКА МОРСКОГО ОФИЦЕРА

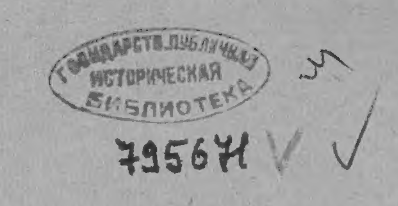
В. Ф. ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕСМА

ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ФЛОТА В АРХИПЕЛАГ И ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Военно-Морское Издательство НКВМФ СССР
Москва 1944 Ленинград

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Опубликованный в 1900 г. («Морской сборник» 1900, № 1 и 2) труд известного морского историка В. Ф. Головачева «Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.» является наиболее обстоятельным в русской морской исторической литературе исследованием, посвященным одному из крупнейших событий в истории нашего флота.

Тщательное изучение обширных архивных материалов позволило автору с большой полнотой осветить проведение одной из крупнейших операций русского парусного флота — Архипелажской экспедиции и последовавшие за ней замечательные победы в Хиосском проливе и при Чесме. Поэтому, несмотря на значительный срок, прошедший с момента опубликования, труд В. Ф. Головачева не утратил своей ценности

В настоящем издании труд В. Ф. Головачева подвергся некоторой переработке и сокращению.

Издательство полагает, что новое издание труда В. Ф. Головачева будет полезным пособием для офицеров, изучающих героическое прошлое отечественного Военно-Морского Флота и являющихся законными преемниками и продолжателями его славных традиций.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

Предполагая в настоящем очерке выразить по возможности верно стратегическое и политическое значение Чесменского сражения, я обращался за справками к наиболее точным документам наших архивов — военного и морского, выверил все относящиеся к этой теме повеления, приказы, донесения и отчеты, тщательно просмотрел и сверил между собой все надлежащие судовые журналы и так называемые «Клеркские протоколы», просмотрел дела Адмиралтейств-коллегии и другие современные рукописи и надеюсь, что описание, основанное на этих наиболее точных источниках, может послужить некоторым дополнительным вкладом в историю нашего флота.

I

СОСТОЯНИЕ ВОЕННЫХ СИЛ

О состоянии сухопутной армии накануне войны с Турцией, начавшейся в 1769 г., нет надобности подробно распространяться. Достаточно напомнить, что после Полтавской битвы наша армия стояла не ниже всех прочих европейских армий, как это и доказала Семилетняя война. В числе своих военных организаторов и полководцев Россия имела уже Петра Великого, на сцену выступали Румянцев и Суворов.

Что же касается наших мореходных сил, как тогда называли флот, то состояние его материальной части и боевой готовности к 1769 г. значительно понизилось со времени его основателя. В 1725 г. русский флот имел свыше 20 линейных кораблей. Кроме того, были еще фрегаты и другие мореходные суда, не считавшиеся боевыми по причине слабости их артиллерии, но исполнявшие крейсерскую и посыльную службу. В Балтийском море, кроме того, были еще галеры, комплект которых полагался при Петре Великом до 100 судов и которые должны были служить для войны в финляндских шхерах.

Если прибегнуть к сравнениям, то можно припомнить, например, что в XVII и начале XVIII столетия флоты голландский, английский и французский давали друг другу сражения в числе свыше 60 линейных кораблей с каждой стороны и имели еще резервы. А между тем в 1768 г.

у нас было в Балтийском флоте всего только 14 линейных кораблей, причем корабли эти не отличались прочностью материала и конструкции. Все они строились тогда из слабого северного леса свежей заготовки и притом сплавленного водой по рекам к Петербургу и Архангельску. О хранении строительного материала под крышей не было тогда и речи. Самые корабли были довольно неуклюжи. В 1768 г. они сохраняли размеры, назначенные для них еще при Петре Великом, лет 50 назад, а именно: в длину они имели только 155 и до 157 фут., в ширину — от 41 до 49 фут. и углубление — от 17 до 19 фут. Корпуса кораблей обшивались толстыми бортовыми досками и не имели никакой другой — ни металлической, ни деревянной—обшивки; однако бортовые доски были просмолены в пазах и проконопачены. Часто случалось по недосмотру при постройке, что вместо связных болтов попадали в обшивку и гвозди. Из различных донесений командиров кораблей, из шканечных журналов и донесений следственных комиссий видно, что свежее дерево в болтах и металлических скрепах очень скоро рассыхалось и прогнивало, обшивные доски отставали от шпангоутов и конопатка выползала. Во время плавания после каждого свежего ветра и посредственного волнения во всех кораблях прибылую воду было трудно откачивать обыкновенными помпами, — бимсы отставали от борта, палубные доски рассыхались и расходились, а мачты до такой степени раздергивали ванты и руслени, что всегда грозили падением. Очень вероятно, впрочем, что в некотором отношении мы этим даже и выигрывали, так как, например, англичане не принимали русских за своих соперников на морях, считая актом высокого самоотвержения русских моряков выходы в открытое море на таких опасных судах, — это мы читаем в их документах.

Что касается корабельной артиллерии, то в русском флоте были на вооружении орудия различных калибров от ½- до 30-фунтового калибра, заряжающиеся самыми

разнообразными снарядами: ядрами, книпелями, древгаглами, картечью. Продолжали употребляться даже камнеметы или басы. Отливка орудий, их хранение и проба производились довольно небрежно: мы находим, например, в современных документах данные, что из 130 пушек, отлитых в 1768 г. на сибирских Каменских заводах, при их освидетельствовании годными оказались только 17, а из 100 запасных, хранившихся в одном из петербургских арсеналов, годными оказались только 3. Все же прочие — а их были тысячи — преимущественно старой, еще петровской отливки, часто разрывались и не выдерживали иногда не только боевых, но даже и салютационных выстрелов.

Теперь необходимо сказать несколько слов о личном составе.

Практические и случайные плавания судов не давали большой практики командам и не выходили за пределы Балтийского моря, если не считать перехода из Архангельска вновь построенных там кораблей по океану в Балтийское море. Исключением была Семилетняя война, во время которой личный состав приобрел некоторый морской и боевой опыт.

Во время этой войны, т. е. до самого 1762 г., действующим флотом командовали еще петровские питомцы Захарий Данилович Мишуков и Андрей Иванович Полянский —люди пожилые, прослужившие уже свыше 40 лет. Старшими в администрации были генерал-адмирал князь Михаил Михайлович Голицын, адмиралы Головин, Талызин, вице-адмиралы князь Борис Голицын, Льюис, Нагаев; контр-адмиралы Мордвинов, Милославский, Зиновьев, Лаптев, Круз-отец — тоже питомцы петровской школы. Но 1762 г. был временем военно-административных перемен. В царствование Петра III учреждена была комиссия для преобразования флота, первые и единственные меры которой состояли в том, что были исключены из службы оба Голицыны, Мишуков, Лаптев и другие из числа пожилых; Полянский умер, и одновременно

с тем указ о вольности дворянства дозволил еще многим выйти в отставку. Все это не могло, конечно, способствовать делу улучшения флота. Недостаточность образования в морском техническом и научном отношениях у наших офицеров не могла дополняться никакой практической опытностью, тем более, что и практики этой было немного. Потому и не было еще во флоте собственных боевых и образованных адмиралов и очень мало было хороших командиров кораблей, так что при первой надобности приходилось снова прибегать к вербовке опытных голландских, английских или французских моряков.

Все эти недостатки только до некоторой степени выкупались обилием наших материальных и продовольственных средств и блестящей храбростью и стойкостью младших офицеров — как это во многих случаях доказала Семилетняя война, — а также безупречным отношением к долгу службы наших офицеров и команд.

II

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. МОБИЛИЗАЦИЯ

14 октября 1768 г. последовало со стороны Турции объявление войны. По получении об этом известия русским войскам было приказано выступить в поход к южным границам. 9 ноября адмирал Семен Иванович Мордвинов, вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов и контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин получили приказание рассмотреть все вопросы, касавшиеся до вооружения и снабжения флота. В соответствии с планом войны, кроме наступления наших сухопутных войск на основном фронте, было решено предпринять действия на флангах и в тылу. Для этого от флота предполагалось отправить эскадру с десантом на полуостров Морею и возобновить строительство боевых кораблей на Дону для действий в Азовском море. Мысль об экспедиции в Архипелаг

всецело принадлежала тогдашнему генерал-фельдцейхмейстеру[1] графу Григорию Григорьевичу Орлову.

Чтобы создать благоприятную почву в Европе в предполагаемой войне, было положено сблизиться с Англией, Венецией, Черногорией и особенно с мальтийскими и морейскими греками. Во все эти места были отправлены способные дипломатические агенты. Главным же руководителем всем делом подготовки к войне на прибрежье Средиземного моря был назначен брат генерал-фельдцейхмейстера генерал-поручик Алексей Григорьевич Орлов.

Граф Алексей Орлов назначался также и главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, которые высылались для поддержки восставшего против турок славянского и греческого населения Балканского полуострова и Архипелага.

С этой целью вначале предполагалось выслать из Балтийского моря в Средиземное небольшое число кораблей — только в виде наблюдательного или вспомогательного отряда. Но потом по настоятельным представлениям братьев Орловых положено было снарядить уже целую действующую эскадру.

В связи с этим был сделан отбор из всех наличных военных судов Балтийского флота, причем годных к плаванию оказалось 14 линейных кораблей и 7 фрегатов. Кроме того, на стапелях в постройке находились в Петербурге 1 и в Архангельске 2 корабля. Из числа же наличных 2 корабля и 1 фрегат оставались на зимовке в Ревеле, прочие зимовали в Кронштадте.

Интересно отметить, что в то время годными к плаванию признавались только те корабли, которые были спущены со стапеля не раньше 1761 г.,[2] т. е. не старше семилетних, тогда как годными к дальнему плаванию

---

[1] Звание лица, возглавлявшего управление артиллерийским ведомством и артиллерией. *Ред.*

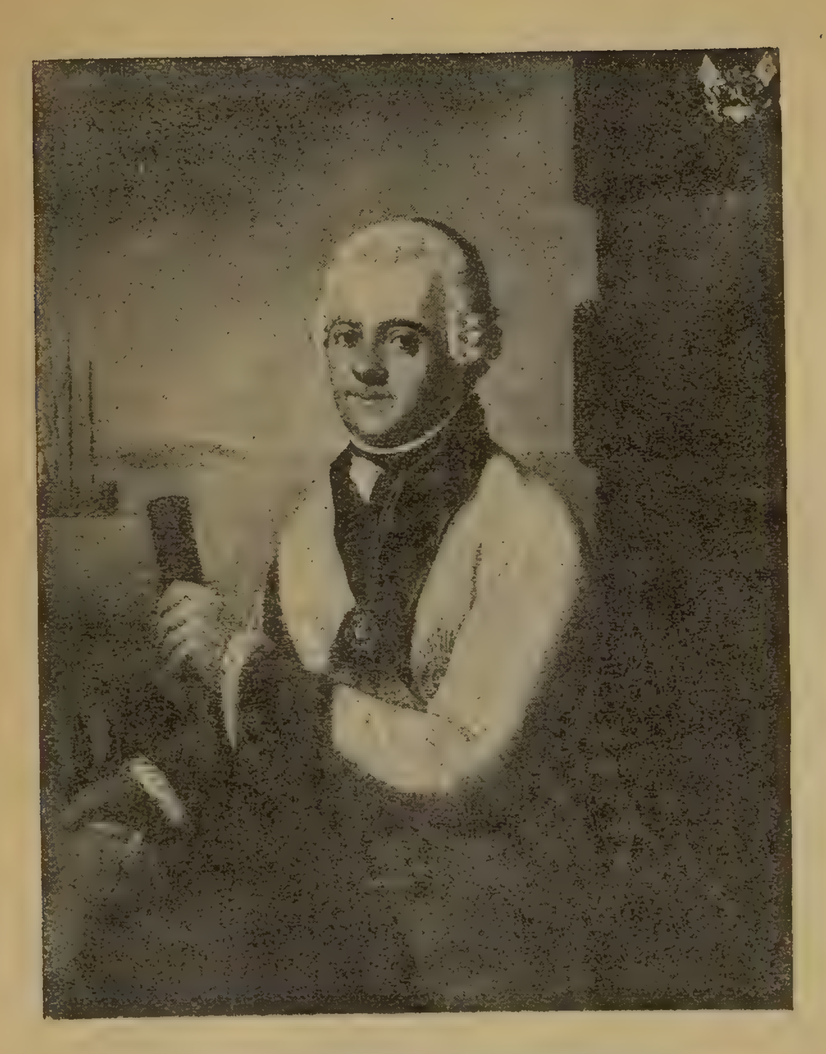
[2] Из числа упомянутых 14 кораблей только один—„Москва" — был спущен в 1760 г.

были признаны не старше пятилетних. Это достаточно свидетельствует о непрочности постройки тогдашних военных кораблей. Благонадежных и годных к дальнему плаванию набрано было всего только 10 кораблей, но и их не надеялись привести в готовность к весне 1769 г. Вследствие того, что в океанском плавании водяные черви очень скоро истачивали подводную часть судов и приводили в негодность многие бортовые доски, было положено сверх обыкновенной корабельной обшивки, состоявшей из толстых досок, на всю подводную часть намеченных в экспедицию судов наложить вторую обшивку. Эта вторая обшивка должна была состоять из дюймовых досок, положенных на первую обшивку по просмоленному войлоку. Эта операция должна была еще задержать эскадру, и потому окончательно решено было послать в Средиземное море только 7 кораблей. К ним присоединялись 1 фрегат (24-пушечный), 1 бомбардирский корабль (2 мортиры и 2 гаубицы); для посыльной службы 2 пакетбота с 12 малыми пушками и 4 военных транспорта, называвшиеся пинками, а всего 15 судов.

Сверх этого по штатному положению имелся тогда при каждом корабле палубный бот, вооруженный фальконетами. Этот палубный бот обыкновенно по мере способности то шел на бакштове за кораблем, то держался сам под парусами подле флота. Считать эти боты за суда действующие, однакоже, было нельзя. Во время шторма таким ботам приходилось всегда укрываться в ближайшие порты, и во время бурь немалое их число пропадало в море без вести.

Из числа немногих наших адмиралов наиболее способными признавались адмирал С. И. Мордвинов, вице-адмирал Г. А. Спиридов и контр-адмирал А. Н. Сенявин. По своему званию начальника обеих флотских дивизий и старшего члена Адмиралтейств-коллегии Мордвинов имел главный надзор за снаряжением флота для кампании. Но Семену Ивановичу было уже 66 лет от роду.

Из архивных документов легко можно оценить пред-

Адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

шествующую деятельность Спиридова. Он имел репутацию умного человека и хорошего служаки. В царствование Анны Ивановны во время войны с Турцией он находился на Азовской флотилии и был адъютантом у ее начальника Бредаля. Он проявил себя также с самой хорошей стороны в Семилетнюю войну. В 1761 г. он командовал отделением морского десанта под Кольбергом и получил лестную аттестацию от командовавшего нашими сухопутными войсками Петра Александровича Румянцева.

Спиридову в это время было 56 лет. Ему сделаны были всевозможные поощрения. 4 июня 1769 г. он был произведен в адмиралы; он получил орден Александра Невского да при прощанье с императрицей лично из ее рук получил напутственный образ Иоанна Воина, украшенный дорогими каменьями и на андреевской ленте. Спиридову дано было 4000 руб. на подъем и 700 руб. столовых в месяц, то есть много свыше того, что назначалось кому-либо в прежнее время.

Старшими из капитанов на эскадру назначены были Грейг и Барж.

Самуил Карлович Грейг, родом шотландец, был уже опытный моряк. Он принимал участие в колониальной войне Англии с Францией и вследствие очень хорошей рекомендации был принят на русскую службу в 1764 г. в чине капитана 1-го ранга, а на следующий год получил в командование 66-пушечный корабль «Три Иерарха», находившийся еще тогда на стапеле и который он потом сам вооружал.

Иван Яковлевич Барж по старшинству оставался сверстником Грейга. Он считался также хорошим офицером. В 1765 г. он был назначен командовать 66-пушечным кораблем «Три Святителя», парным с кораблем Грейга.

Командирами прочих кораблей были капитаны 1-го ранга Роксбург, Корсаков, Иван Борисов, Клокачев и Круз.

Из них наиболее замечательными лицами были Клокачев и Круз.

Федот Алексеевич Клокачев — самый образованный человек из тогдашних флотских офицеров, сделавшийся впоследствии первым главным командиром Черноморского флота. Александр Иванович Круз, впоследствии знаменитый боевой адмирал, известен был как человек правдивый и прямой, деятельный по службе, с несколько крутым и горячим нравом. Он имел репутацию человека храброго и вынес уже довольно тяжелые раны из-под Кольберга. Спиридов держал свой флаг на корабле Круза «Евстафий Плакида» не только потому, что этот корабль был хорошим ходоком, но и потому, что из числа прочих офицеров Круз был наиболее исправным и отважным капитаном.

Заготовка провизии в непривычном количестве на продолжительное плавание, укомплектование судов командами, их обмундировка, снаряжение артиллерии, а особенно вторая обшивка для всех судов, назначенных в экспедицию, задержали эскадру Спиридова в Кронштадте на довольно долгое время. Чтобы наложить на каждое судно новую обшивку, необходимо было очистить у них все палубы и трюмы, законопатить порты и люки и потом их килевать, т. е. повалить каждое судно два раза набок до такой степени, чтобы киль показался из воды,—процедура кропотливая и громоздкая, с которой, однакоже, к чести их очень ловко умели справляться наши деды. Таким образом весной 1769 г. не только были прокилеваны и обшиты все экспедиционные военные суда, зимовавшие в Кронштадте, но успели еще обшить и 80-пушечный «Святослав», спущенный той же весной со стапеля в Петербурге, и один из кораблей, приведенный в Кронштадт из Ревеля с открытием навигации.

Несмотря на ручательство президента Иностранной коллегии Никиты Ивановича Панина, что от Швеции нельзя ожидать воинственных намерений, правительство не совсем этому доверяло, и потому из военных судов,

оставшихся в Балтийском море, была составлена резервная эскадра из 8 кораблей и 3 фрегатов. Эта эскадра должна была сопровождать эскадру Спиридова до Копенгагена.

Из этих резервных судов 7 кораблей и 2 фрегата в июне находились уже на Кронштадтском рейде под командой контр-адмирала Елманова, а 1 корабль и 1 фрегат были в Ревеле и должны были присоединиться к прочим на пути, причем начальство над собравшейся эскадрой принимал главный командир Ревельского порта вице-адмирал Андерсон.

Эскадра Елманова вышла в море из Кронштадта 18 июня. Эскадра Спиридова в это время оканчивала сборы в гавани. Только 18 июля она была готова к походу. В этот день Грейг и Барж были произведены в следующий чин капитанов бригадирного ранга. После того эскадра Спиридова, выйдя из гавани, собиралась у Красной Горки.

Она состояла из 7 кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирского корабля, 2 пакетботов и 4 пинков. На них находилось 4709 человек команды, в том числе морские солдаты и небольшое число сухопутных войск. Сверх того ее провожали с разными запасами 3 малых транспорта или галиота.

26 июля эскадра Спиридова снялась с якоря. Но палубный бот корабля «Святослав», капитана Баржа, крепко стал на мель. Поэтому Спиридов, получая беспрестанно побуждения к выходу в море, решил оставить Баржа справляться со своим ботом и вышел в море.

Одновременно с приготовлением Балтийской эскадры было приступлено к формированию флотилии на Дону по примеру Петра Великого для овладения прибрежьями Азовского и Черного морей.

Дело шло о возвращении берегов Черного моря и, следовательно, о достижении преобладания на этом море русских морских сил. Отправляемая в Архипелаг Балтий-

ская эскадра имела целью облегчить сухопутным войскам и Азовской флотилии решение этой главной задачи.

18 ноября Адмиралтейств-коллегии было приказано:

«Находящиеся в Павловске начатые 5 прамов... не упустя времени окончить, построя к ним необходимое число мелких судов; да сверх того доставить до Черкасска до 60 вооруженных лодок». Наряду с этим предписывалось: «Отправить генерал-кригскомиссара Селиванова в Тавров и прочие тамошние адмиралтейства, для приготовления там лесов к строению судов разной величины; притом употребить Коллегии всевозможное старание примыслить род вооруженных судов, кои бы против тамошних морских с пользою действовать могли. К рассуждению и сочинению, в силу сего указа, призывать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина — ибо первый в нужных местах был сам, а второму — предстоит действовать».

На основании этих приказов Селиванов немедленно же был назначен к отправке в Тавров и получил инструкции. В помощь ему было набрано 20 офицеров разных специальностей и 800 адмиралтейских мастеровых, из них до 500 плотников, затем — кузнецы, парусники, канатчики, конопатчики и пр. В конце ноября 1768 г. все они тронулись партиями в путь на Москву и Воронеж. Кроме того, было сделано распоряжение о вызове из Углича и Галича еще до полутора тысяч человек наемных плотников.

Воронежскому губернатору Маслову был дан указ — содействовать всеми мерами предпринятому судостроению — наймом рабочих и подводчиков, приисканием материалов и мастеровых и т. д.

В Адмиралтейств-коллегии были собраны все сведения о состоянии пристаней на Азовском море. Оказалось, что Таганрогская гавань отчасти была разрушена по Прутскому договору в 1711 г. и была занесена песком и мусором. Все же прочие ближайшие места у берегов

Азовского моря, в устьях Миуса, Калмиуса и Берды по причине мелководья еще меньше были удобны для устройства военных верфей.

Вследствие этого для создания новой флотилии решено было строить и собирать мелкосидящие суда небольших размеров. В первую очередь предполагалось построить 12 небольших мелкосидящих парусных судов и 25 галер, вооруженных достаточной артиллерией.

Таким образом в 1769 г., к началу войны с Турцией, было только начато создание флота, который должен был содействовать сухопутным войскам в операциях на прибрежьях Азовского и Черного морей.

Главным начальником всей Донской экспедиции был назначен контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин, — сын известного петровского адмирала Наума Акимовича Сенявина. Он состоял до этого времени генерал-казначеем, был деятелен и честолюбив, как легко можно заметить по его образу действий и множеству его донесений и писем, сохранившихся в архиве. От роду ему было 52 года.

Из числа помощников у него находились капитан 1-го ранга Пущин и капитан 2-го ранга Сухотин — впоследствии наши известные адмиралы.

Верфи на Дону основаны были еще при Петре Великом. В царствование Анны Ивановны, в 1738 г., была предпринята попытка возобновить строительство военных судов. Но за истекшие с того времени 30—45 лет как строения, так и суда обветшали и отчасти сгнили, а часть каменных петровских построек обвалилась и была без крыш. Найден был запас орудий и снарядов. Но пушки, сложенные в таких местах, которые в половодье покрывались водой, сильно заржавели. Так что из числа 1400 найденных здесь орудий оказалось годных только 350; приходилось приступить к новой отливке пушек и заготовке всех артиллерийских принадлежностей на заводах, также основанных еще при Петре I в Тамбовской губернии.

Тем не менее Сенявину при неутомимом содействии его помощников удалось в течение 1769 г. сделать очень многое. В Таврове были построены мастерские и элинги, заготовлен и сплавлен лес для судов и отчасти построены самые суда, которых к осени 1769 г. в разных местах по Дону сплавлялось всего 65, сверх того 5 баркасов и 22 шлюпки.

На Сенявина была возложена также обязанность произвести топографическую съемку всем тем водам, по которым ему приходилось теперь строить и сплавлять суда, и составить верные карты.

В течение лета 1769 г. штурманы под начальством Сухотина работали неутомимо, и на карты было положено все течение Дона с его главными притоками и Таганрогский залив, что составило атлас приблизительно в 50 карт.

Пограничная с турецкими владениями линия шла с запада до Днепра по реке Самаре[1] на Ростов. Одновременно с выступлением наших армий было предписано подвинуть эту линию вперед и выставить ряд укреплений от Усть-Самары до Берды. Особый корпус под начальством генерал-поручика Вернеса должен был следовать к северному берегу Азовского моря и содействовать Сенявину в занятии и восстановлении Азова, Таганрога и Павловской крепости, а также должен был занять и укрепить устья Берды, Калмиуса и Миуса.

В 1769 г. сухопутные войска заняли Молдавию, побережье Азовского моря и проникли за Кубань. В центре они остались на зиму под Кременчугом, так как южнее этого пункта не представлялось возможности найти квартиры и продовольствие для армии на предстоявшее зимнее время.

---

1 Приток Днепра, впадающий вблизи теперешнего г. Днепропетровска. *Ред.*

III

ДВИЖЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

Как сказано, эскадра Спиридова вышла в море 26 июля, спустя месяц с лишком после выхода резервной эскадры Андерсона. Сборное место обеим эскадрам назначено было у Фаре по северную сторону Готланда, откуда Андерсон должен был сопровождать Спиридова до Копенгагена.

Резервная эскадра Елманова вышла из Кронштадта 18 июня на соединение с Андерсоном у Ревеля, но была задержана в море противным ветром и прибыла в Ревель только 29 июня. Из Ревеля 4 июля вся эскадра Андерсона перешла к Наргену, где 6 июля Андерсон получил указ: отправить три корабля — «Саратов», «Тверь» и «Не тронь меня» — и 2 фрегата в Кронштадт, а с прочими судами следовать на рандеву к Фаре. 10 июля Андерсон прибыл туда с 4 кораблями и 1 фрегатом и крейсировал между Фаре и Дагерортом. Но 18 июля, в самый тот день, когда происходил смотр эскадре Спиридова, был крепкий ветер, от которого получили большие повреждения корабль «Москва» и фрегат «Михаил», которые ушли в Ревель. 22 июля эскадра снова попала в шторм, корабли разлучились и терпели бедствие. Эскадра укрылась в бухте Тагалахт и там чинилась.

Поэтому, когда Спиридов прибыл на рандеву к Фаре 31 июля, он застал там вместо всей эскадры Андерсона только один из его кораблей «Азия» и один палубный бот, которые также отыскивали свою эскадру. Отправив корабль «Азия» на поиски на юго-восток, Спиридов ожидал ее, крейсируя между Готландом и Фаре. Только 6 августа прибыл к нему из Кронштадта Барж на «Святославе». А 10 августа крепким ветром на адмиральском корабле «Евстафий Плакида» свернуло топ фок-мачты, и потому Спиридов перешел на другой корабль, а Круза отправил в Ревель чиниться и переменить фок-мачту. Но в этот же день, 10 августа, терпел также бедствие и

«Святослав». В его шканечном журнале сказано: «От сильного шторма его повалило набок, так что в порты верхнего дека весьма поддавало; а в палубах некоторые кницы треснули, а от того приключения вдруг показалось воды в трюме свыше ординара до 4 ф.». Корабль находился в опасности и должен был укрыться в Ревеле.

Только 12 августа к Спиридову присоединился Андерсон, и потому после неблагоприятных ветров весь флот, только в числе 8 кораблей и 2 фрегатов, 30 августа прибыл в Копенгаген.

В Копенгагене к Спиридову присоединились 2 новых корабля и 2 пинка, прибывшие туда их Архангельска, а 4 сентября присоединился к нему и Круз на своем корабле «Евстафий Плакида», «Святослав» же не приходил, и потому Спиридов для дополнения комплекта данных ему судов присоединил к себе седьмым один из архангельских кораблей, названный потом «Ростиславом».

9 сентября Спиридов вышел из Копенгагена, имея эскадру снова в ее первоначальном составе — 7 кораблей, 1 фрегат, 1 бомбардирский корабль, 2 пакетбота и 4 пинка. 16 сентября эскадра обогнула Скаген, но в Каттегате, у острова Хвине, она потеряла еще 2 палубных бота и при них 2 шлюпки, а на Скагенском рифе разбился один из ее пинков.

В английских портах эскадра произвела необходимый ремонт и запаслась водой и провизией. Больных после перехода от Кронштадта до Англии на эскадре было 700 человек, да умерло во все это время человек до 60.

Получая из Петербурга энергичные наказы — спешить с эскадрой по назначению, Спиридов отдал приказание всем своим судам немедленно выходить из английских портов по мере их готовности и следовать всем на общее соединение к острову Менорке, в Порт-Магон.

Первым прибыл туда сам адмирал Спиридов на корабле Круза «Евстафий Плакида» 18 ноября. 2 декабря пришли туда же корабли «Три Иерарха» Грейга, «Три Святителя» капитана Роксбурга и один из пинков. Потом

приходили следующие суда. Но к концу декабря собралось еще только 4 корабля и 4 мелких судна, почти все после перенесенных бедствий с большими повреждениями в корпусе и в рангоуте.

8 января 1770 г. Екатерина II писала Алексею Орлову: «Гибралтар нашим казался конец света». И потом прибавляла: «Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход: все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

Необходимо сказать еще несколько слов о прочих судах флота, участвовавших в кампании 1769 г.

6 июля от Андерсона из Ревеля были потребованы 3 корабля и 2 фрегата. Этот отряд судов прибыл в Кронштадт 14 июля. В тот же день адмирал Мордвинов получил от Екатерины II указ следующего содержания:

«Семен Иванович. Я поручаю особливому попечению вашему отправление отсюда контр-адмирала Эльфинстона со вверенными ему кораблями, и для того желаю, чтобы вы его без дальних канцелярских переписок снабдили всем тем, что он от вас требовать будет. А чтобы и по вашим для сего требованиям Адмиралтейств-коллегия немедленно отпуски чинила, о том ей особливым указом предписано».

Все суда, прибывшие из Ревеля, немедленно были введены в гавань, килеваны и получили дополнительную обшивку. Начальство над этой эскадрой было поручено контр-адмиралу Эльфинстону.

Эльфинстон только в этом году прибыл из Англии и вследствие отличной рекомендации тотчас же получил в командование отдельную эскадру. При снаряжении этой эскадры он действительно обнаружил большую опытность, усердие и трудолюбие, но вместе с тем был желчен, своенравен и крут.

Эскадра Эльфинстона получила особое назначение. Власть ему дана была как начальнику отдельных морских сил в военное время. В обстоятельных инструк-

циях, данных ему 25 сентября 1769 г., от имени Екатерины было сказано:

«Главный предмет сей вашей экспедиции должен состоять в том, чтобы воспрепятствовать и пресекать весь подвоз хлебного пропитания в Царьград из Египта и других турецких мест, как и всю собственную турецкую навигацию и морскую торговлю на тех проходах, где вы находиться будете».

«...Почитаем за необходимое,—говорилось в инструкции, — снабдить вас здесь нужными изъяснениями о политическом положении двора нашего с теми державами, в близости которых вам проходить надобно будет».

Далее следовали подробные указания, которые необходимо частью привести для характеристики обстановки, в которой предстояло действовать русскому флоту.

«Не останавливать и не осматривать судов никаких христианских держав, но оказывать им всякую помощь».

«На походе вам представится первою Дания. Относительно к сей короне, можете вы на нее совершенно надежны быть, и если бы крайняя нужда была, смело можете входить в ее гавани, ибо мы находимся с его датским величеством в теснейшем союзе».

«За Данией следует республика Голландская, Англия и Франция. С первой находимся мы в добром согласии и дружбе, и потому вам надобно будет почитать встречающиеся ее эскадры дружественными и обходиться с ними по общим морским обрядам, ибо и голландцы со своей стороны в рассуждении салютации неприхотливы. Гавани голландские будут для вас открыты».

«Об Англии можем сказать, что она нам прямо доброжелательна и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши виды и интересы весьма тесно между собою связаны и одним путем к одинаковой цели идут; кроме того, имеем мы с Великобританскою короною трактат дружбы и коммерции, которым взаимная наша навигация в землях и владениях обеих сторон поставлена в совершенной свободе». «Но

и за тем еще, по откровенном через посла нашего в Лондоне изъяснении, имели ныне удовольствие точно и совершенно обнадежиться со стороны его, что обе наши в Средиземном море назначенные эскадры как Спиридова, так и ваша, будут принимаемы во всех пристанях его величества за самые дружественные и, как таковые, снабжаемы всякою им, по востребованию обстоятельств, нужною помощью».

«Положение наше с Францией может столько же присвоено быть и Гишпании и королевству обеих Сицилий... Со всеми сими бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие; и можем, конечно, без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добра не желают. Но с другой стороны, нельзя же и того ожидать, чтобы они шествию вашему явно и вооруженною рукой сопротивляться стали, не имея к тому не только законной причины, ниже казистого предлога, который бы предосудительное покушение покрыть мог. Сие описание образа мыслей бурбонских домов должно решить ваше к ним поведение и показать, что вам с встречающимися их кораблями хотя дружелюбно, но осторожно обходиться, а гавани их, кроме самой крайней нужды, обегать надобно, разве когда к спасению другого пути оставаться не будет».

«Португальский двор совсем вне всяких с нами сопряжений. Но... можно не без основания полагать, что в пристанях его свободу и вспомоществование находить будете».

«Кроме означенных итальянских владений, представляется еще там великое герцогство Тосканское, с вольным оного портом Ливорною, республики: Генуэзская, Венецианская и Рагузская, которая состоит под протекцией турков и им дань платит».

«Ливорна, будучи вольным для всех портом, не может натурально и для вас затворена быть, поколику военные эскадры могут участвовать в неограниченной свободе и преимуществах вольного порта. Примеров

тому множество в последних войнах между Англией и Францией. Они могут и вам служить за правило».

«С республикою Генуэзскою не имеем мы беспосредственного сношения, но... однако ж можно надеяться, что она, по образу вольного своего правления, не откажет эскадре нашей в нужном пристанище, ибо такой отказ был бы противен самой конституции ее».

«В рассуждении республики Венецианской настоят другие уважения. Она издавна желает ближайшего с нами соединения, но по робости, от соседства с турками происходящей, не смеет еще податься на явные к тому способы. Без сумнения, будут нам венециане желать добра, по существеннейшему их интересу в ущербе и упадке турецких сил...»

«О республике Рагузской, которая сама по себе гораздо неважна, примечено выше, что она состоит под протекцией турков. Правда, отрекается она от сего качества подданной, и стороною уже забегала ко двору нашему с просьбою, чтобы ее навигация от неприятельской отличена была, поэтому можете к ней обращаться за деньги за всякою помощью, а в противном случае и «силою себе ее доставите», трактуя тогда рагузские земли и кораблеплавание неприятельскими. . .»

В отношении предстоящих действий в инструкции указывалось: «. . .Отправляются с вами сухопутные войска и разные военные снаряды, в подкрепление сухопутных операций нашего генерал-поручика графа Орлова».

«Прежде всего надобно вам стараться высадить те войска и снаряды на берег в назначенных к тому от оного генерал-поручика местах, а именно: в Майне, что в Морее, а особливо в порте Песно, а по-тамошнему — Маритониза; почему и имеете вы по приближении вашем к Архипелагу немедленно искать тех мест. Мы надеемся, что к тому времени будут в них уже поверенные от графа Орлова люди... но из благоразумной осторожности... не оставите вы, однако ж, в приближение ваше к назначенным для выгрузки местам, остановиться на не-

котором от них расстоянии и... увериться, есть ли уже там поверенные графа Орлова... в противном случае... удаляясь несколько от оных, стараться узнать место пребывания самого графа Орлова и возыметь с ним беспосредственное сношение...»

«Выше уже сказано, что адмирал Спиридов, с эскадрою его, назначен в подкрепление с морской стороны между Архипелажскими островами сухопутных операций генерал-поручика графа Орлова и хотя таким образом цель и намерение наше в его и вашей экспедициях весьма разны, и одни от других нимало независимы, но... обстоятельства дел, польза службы нашей... и временная иногда деликатность взаимных ваших позиций... могут также, в случаях нужды, требовать и согласного вашего... действия и взаимной друг другу помочи».

«...Рекомендуем вам, единожды навсегда, содержать с графом Орловым частое и точное сношение, дабы вы его мерам по возможности содействовать могли, а особливо по незнанию видов его и положения дел на сухом пути, не предприняли чего оным противного и предосудительного».

В эскадре Эльфинстона, как было сказано, находились три 66-пушечных корабля — «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь» и два 36-пушечных фрегата — «Надежда» и «Африка», а также три вооруженных транспорта. Личного состава имелось, считая по 600 человек с небольшим на каждом корабле и по 250 на фрегатах да около 400 человек десантных войск, всего около 2700 человек.

Эскадра Эльфинстона вышла с Кронштадтского рейда 9 октября 1769 г. Эльфинстон имел свой флаг на «Не тронь меня».

Эскадра следовала вдоль Финского залива попутным ветром. Но в ночь на 11 октября одно из ее транспортных судов попало в Поркалаудские шхеры и разбилось, а 12 октября на выходе за Дагерорт она была встречена

противным штормом, причем почти все суда эскадры получили большую течь, а корабль «Тверь» и фрегат «Африка» бедствовали. Ветер, сначала задувший с моря — от SW, повернул вскоре на NNW со шквалами и снегом. Фрегат «Африка», отставший несколько от эскадры, успел попасть обратно за Дагерорт и укрыться в Ревель, а корабль «Тверь» понесло в море и стало прижимать к Эзелю. Он старался укрыться в бухте Тагалахт, но в ночь на 14 октября у него снесло грот-мачту, которая ему обломала левый борт и грот- и бизань-руслени. 16 октября он едва мог удержаться на якорях близ Либавы.

Разлучившись в это время с «Тверью», фрегатом «Африкой» и транспортами, Эльфинстон с прочими своими тремя судами во время того же снежного шторма продолжал лететь вдоль Балтийского моря; 14 октября он пришел на вид Кристиансере и, не заходя в Копенгаген, 19-го бросил якорь на Эльсенерском рейде. Туда по одному явились к нему оба уцелевших транспорта и 6 ноября прибыл фрегат «Африка». А покуда все эти суда исправлялись, запасались водой и провизией и покуда ветер им препятствовал итти к северу, пришел туда же из Ревеля 24 ноября и корабль «Святослав», под командованием капитана Баржа.

Таким образом 4 декабря 1769 г. эскадра Эльфинстона вышла из Эльсенера почти в прежнем своем составе: 3 корабля, 2 фрегата и 2 транспорта.

По выходе в Северное море эскадра снова терпела бедствие, и корабль «Святослав» едва удалось спасти. Сам Эльфинстон пришел в Портсмут 22 декабря, а за ним туда же поодиночке прибывали и прочие его суда. Все они собрались в Портсмуте уже в январе 1770 г., и все имели такого рода повреждения, которые потребовали доковых исправлений. За это время корабль «Святослав» был капитально переделан и обращен из трехдечного в двудечный. Тут же к эскадре Эльфинстона был присоединен корабль «Северный Орел», отставший

от эскадры Спиридова; на нем был снят верхний док, и он из корабля был переделан в госпитальное судно.

Таким образом окончилась для наших судов кампания 1769 г. — первая морская кампания с начала этой войны.

IV

ЭСКАДРА СПИРИДОВА В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ. ДЕЛА В МОРЕЕ

Кампания 1770 г. застала русский флот и его отдельные эскадры и корабли на отдаленных концах Европы: в Англии, на Средиземном море, в Атлантическом океане, на Балтийском море, на Дону и на притоках Дуная.

В конце декабря 1769 г. из 7 кораблей и 8 других судов эскадры Спиридова собрались в Порт-Магоне 4 корабля и 4 малых судна. Пятый корабль этой эскадры «Ростислав» только в декабре вышел из Портсмута, причем имел больных до 200 человек, и потому для получения свежей провизии зашел в Лиссабон. 11 января 1770 г. он также подходил к Менорке, но был настигнут штормом, причем у него сломались грот- и бизань-мачты и фор-стеньга, и он принужден был спуститься к Сардинии.

Шестой корабль Спиридова «Европа», под командой Клокачева и под флагом контр-адмирала Елманова, при выходе из Портсмута поставлен был лоцманом на мель, — потерял руль, получил пробоины.

Седьмой корабль эскадры Спиридова «Северный Орел» был признан негодным как боевое судно и обращен в госпитальное.

Все прочие суда из эскадры Спиридова, уцелевшие от бурь, дошли до Порт-Магона в марте 1770 г. Больных на эскадре было много; умершими она потеряла 350 человек.

Между тем Алексей Орлов находился в Ливорно и нетерпеливо ожидал прибытия эскадры.

В Морее политические агенты успели подготовить почву для выступления греков за освобождение из-под власти турок. Особенно нетерпеливо ожидали прибытия подкреплений наиболее воинственные жители полуострова Майны, и Орлов беспрестанно опасался, что преждевременное возмущение греков, без помощи войск, могло повести к бесполезному кровопролитию, причем турки успели бы принять все меры к подавлению восстания.

Когда Орлов узнал о прибытии Спиридова в Средиземное море, то послал к нему своего младшего брата Федора с требованием ускорить движение эскадры. Но первый отряд, который при всех усилиях мог быть приведен в готовность, состоял только из корабля «Три Иерарха» под командой Грейга, 1 фрегата и 1 пакетбота. Да и тот после различных неудач мог прибыть в Ливорно только в начале февраля 1770 г. Другие наличные суда Спиридова — 3 корабля, пинк и пакетбот— вышли из Порт-Магона 17 января и по назначению Орлова пришли 17 февраля в порт Витуло на полуострове Майна. Здесь к эскадре присоединились два вооруженных греческих судна. Жители Майны встретили эскадру с энтузиазмом и стекались к месту ее стоянки.

Очень скоро число вооруженных греков, готовых стать в ряды и бороться за освобождение своего отечества, дошло до 6 тысяч человек. Из них Федор Орлов организовал два отряда под названием легионов — Восточного и Западного. Оба эти легиона продолжали еще пополняться охотниками, так что в марте 1770 г. уже в одном Восточном легионе насчитывалось до 8 тысяч вооруженных людей.

Турецкие войска, находившиеся в Морее еще в незначительном числе, все обратились на защиту крепостей. Из этих крепостей важнейшими по своему стратегическому положению были Мизитра и Триполица, лежащие на север от Майны, и на востоке — Наполи-ди-Рома-

ния. На юго-западном берегу Мореи — Корон, Модон и, наконец, из них всех самая важная как порт — Наварин.

По плану Орлова необходимо было немедленно же овладеть всеми этими крепостями и, покуда главные турецкие силы будут заняты войной на севере Турции, организовать в Греции регулярное войско и прочное правительство.

Мы видели, что эскадра Спиридова явилась к Орлову в довольно слабом составе. Всех наличных людей на ней теперь находилось немного более 2500 человек. По мнению Орлова, для выполнения его предположений из числа этих людей, для десанта и операций на суше, нельзя было снять с эскадры свыше трети команд, т. е. человек до 800, иначе было бы трудно управлять самыми судами.

Сам Орлов был еще задержан делами в Ливорно, и потому, как было сказано, десантными операциями по его наставлениям распоряжался его брат — генерал-майор Федор Орлов. Начальство над Восточным легионом поручено было армейскому капитану Боркову, и он направлен был к северу — на Мизитру. Западный легион под начальством майора Долгорукого пошел занимать Аркадию. В оба легиона назначено было только по 30 человек наших лучших солдат для внедрения в них дисциплины и военного строя. Главные же силы нашего небольшого десантного отряда в числе до 700 человек были высажены у приморских крепостей — Корона и Наварина, где они должны были действовать при поддержке наших судов.

Военные операции начаты были общим движением всех этих частей с конца февраля.

Майор Долгоруков со своим Западным легионом занял без сопротивления всю Аркадию.

Капитан Борков успел вначале оттеснить к северу до 3000 турок и 8 марта взял Мизитру на капитуляцию. Но когда турецкие войска стали выходить из крепости

и складывать оружие, то, вопреки святости договора, греки бросились на турок и перерезали их до 1000 человек. Нашим офицерам и солдатам пришлось употребить всю энергию и даже прибегнуть к оружию, чтобы удержать греков от дальнейших убийств.

В исходе марта Борков осадил Триполицу. Но когда турки сделали вылазку, то весь греческий легион побросал оружие, разбежался и оставил им в жертву наш малый отряд. Люди наши были все перебиты. Спаслись только 4 человека, которым удалось унести из сражения израненного своего начальника — капитана Боркова. Артиллерия наша, находившаяся при легионе, досталась в руки турок.

Ведением осадных работ под Короном занимался подполковник Лецкий, а под Наварином — морской артиллерии цейхмейстер, капитан бригадирского ранга Иван Абрамович Ганнибал, сын известного сподвижника Петра I и дед Пушкина.

10 апреля в результате успешной операции, проведенной при поддержке кораблей, сдался Ганнибалу Наварин. Но осада Корона велась неудачно. Часть греков, находившихся при отряде, при малейшей тревоге бросала свои сторожевые посты и бессовестно покидала на жертву неприятелю наши команды.

14 апреля прибыл на эскадру Алексей Орлов. Из вынесенного опыта ему пришлось убедиться в трусости и изменчивости наших союзников и в том, что следует полагаться единственно на свои собственные силы. С данными ему средствами при малочисленности команд, несмотря на их стойкость и храбрость, нельзя было и думать об удержании Мореи. 15 апреля он велел снять осаду Корона.

«Великая государыня, — писал Орлов Екатерине, — хотя, кроме крепостей, вся Морея и очищена от турок, но силы мои так слабы, что я не только не надеюсь завладеть ею, но и удержать завоеванные места. Робость греков и майнотов лишают меня совсем надежды;

а беспорядок, происходящий от неразумения языка, еще более меня в том утверждает. Лучшее из всего, что мне можно будет сделать, это: укрепить себя сухим путем и морем; зажечь огонь во всех местах, каков в Морее; пресечь весь подвоз провианта в Царьград и делать нападение морской силой. Трудно будет и сие произвести в действо, если скоро не придет Эльфинстон».

Итак, решаясь действовать в тылу у Турции одними только морскими силами, Орлов видел необходимость удержать за собой хорошую базу для флота и потому решил отстаивать Наварин. А для того, чтобы спокойно владеть Наварином, необходимо было овладеть и ближайшей к нему крепостью — Модоном.

Но для обложения Модона можно было выделить только 750 человек десанта, тогда как в данный момент турки успели уже довести его гарнизон до 3000 человек, да на выручку к нему еще подходил 5-тысячный корпус. 4 мая войска, сражаясь под Модоном со всеми этими силами, потеряли убитыми и ранеными до 500 человек, т. е. две трети всего десанта, и принуждены были снять осаду этой крепости.

Вся эскадра Спиридова, находившаяся теперь в сборе, вместе с прибывшим кораблем «Европа» состояла только из 5 линейных кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирского корабля и 9 мелких своих и греческих судов — на всех с недочетом в командах.

А между тем турки грозили с сухого пути отнять и Наварин, а на море большой турецкий флот уже шел, намереваясь запереть нашу эскадру.

Это было в мае 1770 г.

V

ЭСКАДРА ЭЛЬФИНСТОНА

Во время пребывания эскадры Эльфинстона в Портсмуте команды на судах были пополнены нанятыми в Англии людьми и принятыми на службу офицерами, так

что в марте 1770 г. всех служащих на эскадре было уже 3230 человек.

2 апреля Эльфинстон вышел из Портсмута. Теперь у него в эскадре было опять 3 корабля: 70-пушечный «Святослав», на котором он поднял свой флаг, два 66-пушечных — «Не тронь меня» и «Саратов», 3 фрегата — «Северный Орел», «Надежда» и «Африка» и 4 меньших судна, вроде вооруженных транспортов, всего 10 судов.

10 апреля недалеко от мыса Лизард на фрегате «Северный Орел» от качки открылась большая течь. Он принужден был вернуться в Портсмут, а там был признан вовсе негодным к плаванию и разобран.

Дальнейший путь эскадры Эльфинстона проходил благополучно, и 9 мая она на основании данных Эльфинстону инструкций подходила к берегам Мореи.

Эльфинстон, опросив в пути встреченные им два греческих судна и рассчитывая попасть в надлежащий пункт, пришел прямо в порт Рупино, находящийся в Колокинфской бухте. Здесь он высадил свой десантный отряд под начальством подполковника Борисова и велел ему следовать на север — к Мизитре, которая теперь была уже занята турками. По счастью, сам Борисов не положился на Эльфинстона. Он собрал более точные сведения о месте пребывания Орлова и известил его о своем прибытии.

Между тем Эльфинстон узнал от греков же о близости турецкого флота и пошел эскадрой навстречу.

Он следовал к юго-востоку — между островом Чериго и мысом Анджело. Это было 16 мая. Ветер дул с утра переменный, и к полудню установился тихий SSO. На севере в расстоянии миль восьми с нашей эскадры увидели два военных судна, а потом еще несколько судов. Скоро стал виден весь турецкий флот. Он состоял из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов и других судов. Флоты сближались южнее острова Специи. Несмотря на несоразмерность сил, Эльфинстон принял дерзкое решение атаковать турецкий флот.

В начале шестого часа вечера передовой корабль «Не тронь меня» вступил в бой с турецким адмиральским кораблем. Спустя полчаса подошел к ним и другой корабль — «Саратов», потом фрегат «Надежда», которые и атаковали другие корабли неприятельского флота. Прочие турецкие суда стреляли на довольно дальнем расстоянии, а потом стали удаляться в залив Навплию — к стороне Наполи-ди-Романия. Все сражение продолжалось около часа и кончилось, когда снаряды с обеих сторон уже не долетали. С наступлением ночи наша эскадра потеряла из виду турецкий флот.

На эскадре Эльфинстона в сражении был убит 1 человек и 6 ранено. Небольшие повреждения от ядер оказались на двух кораблях и одном фрегате.

Дерзость нападения слабейшего противника, видимо, смутила турок. Повидимому, они приняли эскадру Эльфинстона за авангард главных сил.

Между тем по получении известий от подполковника Борисова о прибытии Эльфинстона Орлов решил сосредоточить все силы на море. Он тотчас же отдал приказание эскадре Спиридова итти в Колокинфскую бухту. 15 мая Спиридов вышел из Наварина со своими 4 кораблями и 2 пакетботами, а 17 мая, т. е. на другой день после сражения при Специи, прибыл с ними в порт Рупино, принял там десант, высаженный Эльфинстоном, и 21 мая пошел на соединение с его эскадрой.

Но в то же время и Эльфинстон не оставался в бездействии: после сражения при Специи в ночь на 17 мая был штиль, а утром, воспользовавшись легким зюйдом, он преследовал турецкий флот до самой Навплийской бухты. Укрывшись в бухте, турецкие суда расположились в линии на шпрингах, вблизи самой крепости Наполи-ди-Романия. Теперь насчитано было у турок 11 кораблей, 2 фрегата и 7 двухмачтовых судов. Несмотря на это, эскадра Эльфинстона во главе с его кораблем

шла в атаку. Суда подходили и строились в линию: сначала корабли, потом фрегаты, и около 3 часов пополудни завязалось сражение.

Вскоре ветер стал стихать и имевшееся в бухте небольшое течение стало прижимать русские корабли к неприятельскому флоту. Чтобы удержаться на месте, флагманский корабль «Святослав» и «Саратов» стали на якорь; все прочие суда, спустив шлюпки для буксирования, взяли паруса на гитовы. В это время возобновилось довольно жаркое сражение, причем русские корабли стреляли брандскугелями, и один из турецких кораблей загорелся, но был потушен.

В начале шестого часа адмиральский корабль Эльфинстона обрубил канат и шпринг и начал удаляться на буксире. Его движению последовал «Саратов», а потом и все прочие суда. В 6 часов сражение прекратилось. Русские команды вели атаку отважно; люди у орудий действовали проворно и хладнокровно. Турки были озадачены, и потому потери на русской эскадре были незначительны: только 6 человек убитых и 3 раненых.

Атака русской эскадры была дерзкая — против с лишком тройных сил противника. В смысле храбрости она делала честь как Эльфинстону, так и всем офицерам. Но Эльфинстона самого как начальника эскадры можно было упрекнуть, что он в этом случае не поставил себе никакой определенной цели. Он просто сражался три часа сряду и потом отошел. Он мог сосредоточить свои суда на одном из флангов и уничтожить часть турецких судов, но, не сделав этого, он мог быть и сам окружен и уничтожен турецким флотом, если бы имел более предприимчивого противника. Словом, сражение, данное Эльфинстоном, не разрешало в данном случае никакого стратегического или тактического вопроса и осталось без последствий.

Турки не трогались с места, и 18 мая Эльфинстон решил посоветоваться со своими капитанами: поговорили о брандерах, но не нашли средств скоро их приго-

товить. А потому и положено было сторожить турецкий флот до прибытия эскадры Спиридова.

Таким образом, несмотря на различное назначение эскадры, желание соединиться сделалось общим.

20 мая Эльфинстон вышел из Навплийского залива к Специи. На следующий день он получил с берега известие, что Спиридов заходил в Колокинфский залив. Ветер дул восточный, свежий. Не отдаляясь от морейских берегов и следуя к югу, Эльфинстон увидел в тот же день эскадру Спиридова и к вечеру с ней соединился.

22 мая ветер переменился на NW, и турецкий флот также вышел из Навплийской бухты. 24 мая южнее Идры и Специи, неподалеку от острова Белло-Пуло, все эскадры — и наши и турецкая — были друг у друга в виду. Эльфинстон смело преследовал турецкий флот, побуждая свои суда сигналами и выстрелами, чтобы они несли как можно больше парусов. Он даже обменялся боевыми выстрелами с неприятелем. Но турецкие суда были легче на ходу и, не желая вступать в сражение, уходили на ONO. Между тем ветер стихал, и к ночи совсем заштилело.

Еще 25 и 26 мая турецкий флот был виден с салингов, но 27 мая скрылся из виду.

VI

ОБЩАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Алексей Орлов, как сказано, имел желание удержать за собой Наварин, и потому он остался там с отрядом судов, состоявшим из линейного корабля «Три Иерарха», одного фрегата и мелких судов. Но после бедственного сражения под Модоном намерение это стало невыполнимым. Турки обложили Наварин с сухого пути и начали его осаду, при этом им удалось отвести у города воду. Тогда Орлов, посадив на суда десант-

ные войска, взорвал крепостные верки. 24 мая он отправил контр-адмирала Елманова на фрегате и пинках с больными в Порт-Магон, а сам 26 мая на корабле «Три Иерарха», имея при себе бомбардирский корабль «Гром» и наемные транспорты, вышел из залива на соединение со Спиридовым. 27 мая недалеко от Наваринской бухты к нему присоединился корабль «Ростислав»— шестой из числа кораблей, вышедших со Спиридовым из Копенгагена.

Итак, силы на юге Турции оказывались недостаточными, чтобы поддержать восстание в Греции. Уход из Наварина означал потерю важной позиции. Выбор основной базы в Порт-Магоне свидетельствовал, что командование старалось иметь точку опоры подальше от театра войны.

Словом, все побуждало Орлова еще более теперь, нежели в начале его действий, ограничить круг своих операций исключительно морем, т. е. военными действиями против неприятельского флота и блокадой турецких берегов. Он спешил теперь на соединение с Эльфинстоном и Спиридовым. Его еще несколько задержали противный ветер и неточные сведения относительно избранного эскадрами рандеву, и он соединился с ними только 11 июня у острова Милоса, в южной части Архипелага.

Хотя в это время Спиридов и Эльфинстон продолжали держаться вместе, но по делам службы у них происходили постоянные недоразумения. На основании инструкции Екатерины оба они подчинялись Алексею Орлову как главному начальнику экспедиции. В качестве глаза Орлова у Спиридова на корабле находился его брат Федор Григорьевич, который, повидимому, держал себя с тактом и не нарушал добрых отношений ни с адмиралом, ни с Крузом. Что касается Эльфинстона, то он не признавал над собой иной власти, ни даже иного совета, как власти и совета самого Алексея Орлова, и если эскадры держались вместе, то един-

ственно из внешнего приличия. Надо было наверное рассчитывать, что при первой встрече с неприятелем каждый из начальников будет действовать отдельно и каждый по своему личному усмотрению.

В таком положении нашел Орлов обе наши эскадры 11 июня. «Командиры были между собой в великой ссоре, а подкомандные—в унынии и неудовольствии»,— писал Орлов Екатерине.

Власть, данная Орлову как главному начальнику экспедиции, и личный его характер, благоразумный и сдержанный, способствовали общему умиротворению и водворению порядка. Ему оставалось теперь управлять действиями эскадр. Являлся вопрос чистой формы: у Спиридова был флаг адмирала. Орлову необходимо было иметь старший флаг — флаг главнокомандующего, и он поднял кейзер-флаг. [1] Это было 11 июня, в 2 часа пополудни. Суда ему салютовали по-тогдашнему 13 выстрелами.

После соединения эскадр Спиридова и Эльфинстона, т. е. с 21 мая, обе они в ожидании прибытия Орлова все время находились в море, так что корабли не имели времени запастись пресной водой. Потому теперь было решено произвести эту копотливую операцию, и для приемки воды эскадры пошли к острову Паросу в местечко Аузу. Они прибыли туда 15 июня и там узнали, что весь турецкий флот только три дня назад в этом же месте запасался водой. Орлов торопил своих командиров, и флот выступил из Аузы 19 июня на поиски неприятеля.

Орлов писал тогда Екатерине: «Ежели богу будет угодно, чтобы мы сокрушили флот неприятельский, тогда стараться станем опять союзно действовать с обитающими народами под державою турецкою, в той стороне, где будет способнее. Если флот победит, тогда

[1] Так в XVIII в. назывался гюйс, когда он в виде особого пожалования поднимался на мачте как флаг главнокомандующего флотом или генерал-адмирала. *Ред.*

и денег ненадобно будет, ибо будем господами всего Архипелага и постараемся оголодить Константинополь. В случае же несчастного сражения на море или пребывания турецкого флота в благополучном состоянии в тех морях, надежды не имею остаться в островах Архипелажских и думаю, что принужден буду возвратиться в Средиземное море».

С прибытием Орлова на флот деятельность обеих эскадр оживилась. Разосланные в разведку среди островов греческие суда вскоре сообщили, что турецкий флот направился к северу. На основании этих сведений при выходе флота из Аузы 19 июня решено было следовать к северу же и, придерживаясь берегов Малой Азии, итти к Тенедосу и стараться заслонить турецкому флоту путь к Дарданеллам. Погода с самого выхода нашего флота из Аузы стояла ясная и тихая — до безветрия, и он шел на север, имея справа себя крейсера — к стороне азиатского берега.

23 июня, после полудня, когда наш флот находился по западную сторону острова Хиоса, крейсера увидели за этим островом у анатолийского берега неприятельский флот. Но пока эскадра огибала остров Хиос с севера, стемнело.

Во всяком случае турецкий флот был с вечера же 23 июня издали осмотрен малыми судами. Ночь была лунная и настолько светлая, что даже были видны сигналы флагами. Это много способствовало начальникам сделать исподволь все распоряжения к встрече с неприятелем, а капитанам приготовить свои корабли ко всякого рода случайностям. На корабли было распределено достаточное число бомб и брандскугелей и отдан был приказ, чтобы к рымам якорей привязаны были кабельтовы для поворотов на шпринге на случай сражения на якоре.

Все современники этой войны[1] описывали Чесменское сражение под первым впечатлением момента, пре-

[1] Плещеев, А. С. Шишков, Юрий Долгоруков, Ф. Миллер.

возносят подвиги наших моряков с большим восторгом, но без всякого разбора и критического анализа. Мы это видим во всех тогдашних документах, сохранившихся в архивах. Последующие историки, сравнивая все эти хвалебные отзывы с более точными источниками и местами не добившись связи, отчасти отнеслись к тогдашним действиям с излишней недоверчивостью. То и другое вместе, т. е. и безотчетные похвалы и неосновательное недоверие, сильно отразилось на установлении фактической стороны событий.

Турецкий флот имел возможности действовать как в Архипелаге, так и в Черном море. Но в начале 1770 г. действующие армии находились еще далеко от берегов Черного моря, на границе турецких владений — под Кременчугом. Правое крыло армии находилось в долине Прута, а левое — при устьях Дона. По берегам Черного моря имелись сильные турецкие крепости Очаков, Аккерман, Еникале и другие, и этим берегам с моря ничто не угрожало. Поэтому появление кораблей у берегов Мореи заставило турецкое правительство сосредоточить все наличные суда своего флота в Архипелаге, где находились все судостроительные средства и верфи. Здесь же угрожали самые беспокойные из турецких подданных — греческие горцы и архипелажские островитяне.

Ранней весной 1770 г., когда первые корабли появились у берегов Мореи, турецкий флот только еще готовился к кампании. Силы русского флота, находившиеся под Наварином, уже были туркам хорошо известны. И потому в начале мая, когда у них имелось готовыми 11 линейных кораблей и других судов, они шли с надеждой и даже с уверенностью запереть в Наварине и истребить слабую русскую эскадру. При следовании турецкого флота к Наварину турецких адмиралов очень смутило появление новой эскадры — Эльфинстона, которая имела дерзость их сама атаковать 16 мая у Специи и потом 17-го — в Навплийской бухте, 16 и

17 мая на турецком флоте все еще были уверены, что наши главные силы должны находиться у Наварина.

Но 17 мая эскадра Спиридова вышла из Наварина, и там оставались только суда Орлова — 1 корабль, 1 фрегат, бомбардирский корабль и транспорты, о чем противник получил сведения с берега уже после 17 мая, по прибытии турецкого флота в Наполи-ди-Романия. Это снова дало повод турецкому адмиралу предположить, что в Навплийской бухте он имел сражение только с частью судов из эскадры Спиридова. Тогда он вернулся к начальному своему намерению атаковать эскадру Спиридова, которая, как это было туркам известно, состояла только из 5 линейных кораблей. Однако, когда турецкий флот вышел 22 мая из Навплийской бухты, было установлено, что в соединенных эскадрах Спиридова и Эльфинстона гораздо больше судов, чем турки ожидали найти в Наварине. А это снова заставило турецкого адмирала подумать о необходимости увеличить состав своих наличных сил, и к данному моменту, в июне 1770 г. он их сосредоточивал у малоазиатского берега — за островом Хиосом.

Главная цель Архипелажской экспедиции была и могла быть только, по существу дела, диверсией с целью отвлечения турецких сил на юг. Русское правительство вполне понимало, что при ограниченности наличных средств нельзя было иметь не только уверенность, но даже и большую надежду укрепиться на юге Турции. Общая цель всех военных операций в это время была — выход на черноморское побережье. Этого Россия добивалась уже с XV века, со времени великого княжения Ивана III. С той же целью осуществлялись и азовские походы Петра Великого. Расположение главных русских военных сил, обложивших с 1769 г. Черное море с севера и двигавшихся по Пруту и Кубани, и теперь определялось теми же целями.

Неудачи десанта на Морее и сосредоточение сил турецкого флота ставили теперь экспедицию в довольно

критическое положение. Теперь речь шла уже не о диверсии, которую можно было тянуть на неопределенное время, а о том, кому господствовать на Архипелаге, и надо было решить этот вопрос не иначе, как нанесением решительного удара турецкому флоту. Надо было исполнить это немедленно же и не допустить его ухода в Константинополь и в Черное море, так как в противном случае на все последующее время войны Архипелажская экспедиция, на которую употреблено было столько трудов и затрат, должна была оставаться сама под угрозой срыва. Русский флот был бы принужден всегда быть в сборе и каждоминутно опасаться, что будет атакован по частям при невыгодных для него условиях. А затем для предстоящих военных действий вообще всякое замедление в этом отношении имело бы еще большее значение. Если бы турецкий флот сохранил свою силу и продолжал господствовать в своих водах, то угрожал бы и тому новому флоту, который с такими усилиями создавался — уже в третий раз — на Дону, и мог поддерживать Крым и все свои крепости по берегу Черного моря. Вся предшествовавшая история войн с Турцией в этом столетии убедительно свидетельствовала об опасности такого положения дел.

В этом и состояла стратегическая сторона проблемы, которую должен был теперь же разрешить со своей эскадрой Орлов.

По первому же полученному на флоте известию о близости сосредоточенных сил неприятеля наши адмиралы призывали на совет своих капитанов. Капитаны же очень хорошо знали мнение своих офицеров и команд: никто из них не хотел отставать от примера Эльфинстона. А у Эльфинстона 16 мая при Специи и 17-го под Наполи-ди-Романия было только 3 корабля, тогда как теперь у Орлова было в сборе 9 наших кораблей. Сверх того все у нас на флоте хорошо сознавали важность предстоявшего момента. Все хорошо понимали, что отказываться от сражения было бы рав-

носильно измене. Общий дух на эскадре был таков, что ни одно из начальствующих лиц не посмело бы итти наперекор этому общему настроению.

Нравственная почва была готова. И потому, когда к ночи на 24 июня флот ложился в дрейф по северную сторону острова Хиоса и адмиралы съехались у Орлова, вопрос о том — сражаться или нет — был уже решен и рассуждать об этом было нечего. Оставалось только обсудить те меры, которые надо было принять для наиболее выгодного порядка боя. Сам Орлов писал Екатерине: «Увидя оное сооружение (т. е. весь турецкий флот), я ужаснулся, и был в неведении, что мне предпринять должно? Но храбрость войск вашего императорского величества принудила меня решиться атаковать».

Боевые столкновения с турецким флотом позволили русским морякам получить определенное впечатление о своем противнике. При первой же встрече с турками все успели заметить тот беспорядок, который происходил у них на судах при каждом движении. Опытному морскому глазу было видно, как у них было все неряшливо; видно было, как во время работ спорили и толкались, даже по временам дрались между собой их матросы, как они тянули порознь снасти, причем кривили реи на брасах и топенантах и безобразили паруса. Крик и шум при каждом малейшем маневре доносились до русских кораблей еще прежде, нежели эскадры сходились на пушечный выстрел. Одеты были все они в самые разнообразные костюмы. Палили у турок неискусно и невпопад — так, что после иных выстрелов раздавался громкий смех среди команд русских кораблей.

На русских же кораблях была совершенно другая картина. Команды наши во время плавания вокруг Европы испытали всевозможные бедствия и не боялись труда и никаких опасностей. Все люди были расписаны по местам, особенно же все твердо знали свои места во время боя, работали дружно и весело; побывавшие

в боях против неприятеля на Морее действовали у орудий проворно, целились хладнокровно и были хорошо обстреляны. Все просились и рвались как можно скорее итти в сражение, а потому имели и большой залог успеха, несмотря на сравнительную малочисленность судов.

VII

РАСПОЛОЖЕНИЕ ФЛОТОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Остров Хиос имеет миль до 30 в длину. Он лежит почти по меридиану и отделяется от малоазиатского берега проливом, ширина которого миль 8. На севере этот пролив замыкается с моря группой островов Спальматаре, а на юге — выдающимся мысом и образует широкий плес миль в 12 длиной от севера к югу. Вся окружная местность возвышенна и гориста, и потому этот Хиосский плес хорошо прикрыт от ветров и волнения и представляет обширный и спокойный рейд не только для якорной стоянки, но даже для эволюций всякого рода судов. На севере, подле малоазиатского берега, и на юге у Хиоса находятся широкие проходы с моря.

Юго-восточную сторону Хиосского рейда, или его юго-восточный угол, огибает береговая гористая полоса земли, которая образует широкий залив. Южный берег этого залива выдается мили на три к стороне Хиоса, а восточный лежит миль на 5 прямо на север до оконечности мыса Кумути. Почти посредине этого берега, под мысом Кумути, вдается в берег между скал небольшая бухта или гавань, на восточном берегу которой находится древний город Эфес, по-нынешнему Чесме. Эта Чесменская бухта имеет фигуру изогнутой ступни, взятой в профиль, или разогнутой подковы. На входе с северо-запада она имеет в ширину около 5 кабельтовых. Западная ее часть вдается в берег почти на 4 кабельтова, а восточная имеет в длину до 7 кабельтовых. Глубина бухты на главном фарватере — от 15 до

23 *м*, а во впадинах имеются у берега отмели. На западе, со стороны рейда, бухту заслоняет остроконечный мыс Кезиль, от которого в сторону рейда протянулся риф Колоери, внешняя оконечность которого находится от материка в расстоянии 12 кабельтовых.

В ночь на 24 июня наш флот держался под малыми парусами севернее островов Хиоса и Спальматаре.

Ветер менялся, и в полночь был свежий норд-вест.

Часа в 4 утра лунная ночь смешалась с рассветом, и на корабле Орлова был поднят сигнал: «Приготовиться к бою». Этот сигнал составлял уже только обычную формальность, так как предписываемые этим сигналом бой тревоги, осмотр фитилей, картузов и т. д. уже давно были выполнены. Орудия кораблей давно уже были заряжены двойным зарядом, и это заранее выражало решимость сражаться на близкой дистанции. Ветер продолжал держаться в NW четверти, т. е. был для русских кораблей самый попутный для выхода на Хиосский плес.

Все корабли следовали за кораблем Орлова, не соблюдая точного строя; мелкие суда держались по правую сторону или западнее флота. В таком порядке эскадра проходила между островами Спальматаре и анатолийским берегом. При входе на плес адмиральский корабль принимал несколько вправо — к Хиосу, для того чтобы иметь время исправить строй до вступления в дело. Часу в девятом утра передние наши корабли сходились около адмирала на расстоянии миль трех от неприятельского флота, и с корабля графа Орлова сделан был сигнал: «Построить линию баталии». После этого передние корабли, следуя адмиралу, приводили на ONO и клали грот-марсель на стеньгу, а прочие постепенно занимали свои места, соблюдая шахматный порядок.

Теперь с русских кораблей был уже хорошо виден турецкий флот. Он стоял на якоре впереди Чесменской бухты носом к востоку или к правому флангу. Строй

его составлял изогнутую линию, выпуклой стороной обращенную к югу — по направлению почти от ONO на WSW. С правого фланга своего он был прикрыт берегом, а левым выступал впереди оконечности рифа Колоери. С фронта на первый взгляд он представлял густую массу судов числом приблизительно до 70, скученных между берегом и рифом на промежутке версты в две. Вглядываясь же внимательно, можно было рассмотреть довольно стройную линию, состоявшую из 10 двух- и трехдечных кораблей. Они имели между собой очень малые интервалы: с небольшим до полукабельтова. За первой линией кораблей в очень близком от нее расстоянии и против соответствующих интервалов расположена была вторая линия двудечных кораблей и больших фрегатов, а за ними уже без особого строя скрывались мелкие военные и транспортные суда. С русской эскадры из-за передних турецких кораблей были видны одни мачты этих задних судов; на левом фланге турецкого флота держались на веслах галеры и вооруженные баркасы.

Обе передние линии неприятельского флота представляли вместе плотную двух- и трехъярусную батарею, вооруженную почти 700 орудиями.

Против этой силы один борт со всех 9 наших кораблей представлял только 300 орудий. Всего у турок в строю, в двух передних линиях, было 16 кораблей и 4 больших фрегата, да за линиями и кругом — до 50 судов, малых военных и транспортных. В передней линии находились 3 флагмана — на первом, четвертом и седьмом кораблях.

В 10 часов утра на корабле Орлова снова собрались командиры кораблей, при участии которых был окончательно выработан план атаки. В начале одиннадцатого часа корабли русской эскадры начали выстраиваться в соответствии с планом боя.

День становился знойным. Ветер продолжал дуть легкий брамсельный от N, склоняясь отчасти к W, т. е.

был самый крутой бейдевинд для вступления в действие, и потому нашим кораблям приходилось итти прямо к голове турецкой колонны, т. е. начинать атаку с восточного или правого фланга ее линии, а потом располагаться по способности и, соответственно фронту неприятельских кораблей, сжимать у себя интервалы также до полукабельтова. Таким образом при неровном движении кораблей под парусами приходилось, как говорилось тогда, каждому кораблю нести свой углегарь на гака-борте своего передового корабля. Так и старались выполнить этот маневр передовые корабли.

Все они были 66-пушечные, кроме «Святослава», который имел 72 орудия.

Впереди шел корабль «Европа» (Ф. А. Клокачев), вторым «Евстафий Плакида» (А. И. Круз; флаг адмирала Спиридова); третьим шел корабль «Три Святителя» (Хметевский). Эти три корабля составляли авангард под начальством Спиридова.

Затем следовала кордебаталия Алексея Орлова. Первым «Ианнуарий» (Борисов), «Три Иерарха» (Грейг, кейзер-флаг Орлова), «Ростислав» (Василий Лупандин).

После них — арьергард Эльфинстона: «Не тронь меня» (Бешенцев), «Святослав» (Роксбург; флаг Эльфинстона) и «Саратов» (Поливанов). На бомбардирском корабле «Гром» командовал капитан бригадирского ранга Ганнибал. Фрегатам и другим судам велено было находиться в конце линии и действовать против мелких турецких судов, из которых некоторые держались на веслах.

VIII

БОЙ 24 ИЮНЯ В ХИОССКОМ ПРОЛИВЕ

В одиннадцатом часу наши корабли начали спускаться на противника, выстраиваясь в линию баталии. Маневр сближения с противником происходил таким образом.

Передовой корабль «Европа» шел почти на середину неприятельской линии. За ним следовал на «Евстафии» Круз и, как человек аккуратный, строго выполнял приказ. Его корабль почти «сидел» у «Европы» на гакаборте. На «Евстафии» играла музыка. Спиридов, Федор Орлов и Круз в мундирах и орденах находились на палубе. На корабле царствовала тишина, команда стояла у орудий правого борта и частью по местам—на брасах.

Третий корабль, «Три Святителя», отстал на 3 кабельтова. Следовавшие за ним «Ианнуарий» и «Три Иерарха» также отстали, имея по 3—4 кабельтова до своего переднего мателота. Шестой «Ростислав», находясь в дрейфе, чтобы выждать продвижение передовых, не взял во-время хода и также оттянул дистанцию до 4 кабельтовых; почти то же произошло и с следовавшими за ним кораблями. Все это очень хорошо видно из записей в их шханечных журналах. На всех кораблях была полная тишина, команда стояла у пушек с фитилями в руках.

К тому моменту, когда передовой корабль «Европа» стал приводить к ветру, чтобы лечь на курс вдоль линии противника, концевые корабли арьергарда Эльфинстона только еще начинали наполнять свои грот-марсели и еще не вступили в линию.

Вся линия наших кораблей шла в атаку в бакштаг левым галсом на курсе, почти перпендикулярном к линии турецкого флота. Передовой, «Европа», правил почти в середину этой линии. Он должен был по мере приближения убавлять паруса и затем, находясь в крутом бейдевинде, вступить в сражение. Прочие корабли должны были располагаться так, чтобы при следовании на середину турецкой линии лечь борт о борт с соответствующим противником, причем три корабля нашего авангарда должны были только приводить: «Европа» прежде всех, потом «Евстафий», за ним «Три Святителя». Затем передовой корабль кордебаталии «Ианнуарий» должен был уже заранее приспускаться и для

сближения с неприятелем описывать к юго-востоку некоторую циркуляцию. Корабль главнокомандующего Орлова «Три Иерарха» должен был спускаться больше. У «Ростислава», шедшего шестым, эта циркуляция должна была быть еще больше, а для арьергарда Эльфинстона этот маневр удлинял его переход миль до четырех.

Все это движение было делом предусмотренного расчета, хотя из донесений не видно подробностей составленного плана атаки. Очевидно, в расчет входило решение иметь арьергард в качестве свежего резерва, которому назначалось сменить наиболее пострадавшие корабли из авангарда.

То обстоятельство, что на эскадре не было сделано никаких распоряжений о готовности стать на шпринг, чтобы в случае необходимости иметь возможность оттянуться за линию, а также не было дано указаний относительно мест отдачи якорей для занятия определенной дистанции, говорит о решении командования провести бой под парусами на дистанции пистолетного выстрела, т. е. почти борт о борт.

Бой под парусами со стоящим на якоре более нежели вдвое сильнейшим флотом являлся, естественно, боем решительным, в котором передние корабли, возможно, приносились в жертву, поэтому и предполагалось при наличии тихого ветра оставаться под парусами, чтобы окончить сражение менее пострадавшими кораблями. Все предположения и все последствия убеждают нас именно в этом.

Корабли нашего авангарда двигались между тем довольно плотно, и все три в 11 час. 30 мин. дня спустились вместе в шахматном порядке на турецкий авангард. Не успели они притти на расстояние 3 кабельтовых к турецкому флоту, как вся масса неприятельских кораблей окуталась клубами дыма. Раздался оглушительный залп с перекатом. Турецкие ядра, частью пере-

летая за наши корабли, частью ложась у них под ветром, взрывали море всплесками версты на две.

Но авангард наш не отвечал. Случай этот предвиделся. На кораблях брасопили реи в бейдевинд и подбирали верхние паруса, и они продолжали итти по назначению, чтобы лечь борт о борт со своими противниками. Ветер начинал стихать. Все три корабля, как на маневрах, клали грот-марсель на стеньгу и тихо приходили на расстояние приблизительно в 1 кабельтов от турецкой линии. Когда с трех кораблей нашего авангарда был сделан общий залп по густой турецкой колонне, то ни один из наших двойных снарядов не миновал своей цели, и огонь турецкого авангарда немедленно ослабел и затих.

Корабли нашей кордебаталии также постепенно подходили к своим местам.

А между тем передовому кораблю «Европа» не удалось скоро задержать свой ход. Несмотря на тихий ветер и заранее положенный грот-марсель на стеньгу, он рисковал проскочить передовой турецкий корабль. Греческий лоцман Анастасий Марко, нарочно взятый на «Европу» как человек, знающий хорошо местность, грозил Клокачеву, что он сейчас наскочит на камень... К тому же сзади, также не удержав хода, на него надвигался «Евстафий», напирая почти вплотную. Клокачев принужден был поворотить влево: он наполнил свой грот-марсель и успел повернуть овер-штаг, почти касаясь своим левым крамболом «Евстафия». Спиридов на «Евстафии» до того был озадачен маневром Клокачева, что, по словам историка А. С. Шишкова, закричал Клокачеву: «Поздравляю вас матросом!» [1]

Продолжая двигаться вперед в густом дыму, «Евстафий» занял место «Европы» и, сближаясь с турецким передовым кораблем, удвоил энергию своей атаки. За

---

[1] Минимальным наказанием согласно Морскому уставу Петра I за выход из строя во время боя без достаточно уважительных причин было разжалование в матросы. *Ред.*

ним, стараясь удержать свое место, шел Хметевский на корабле «Три Святителя». Но у Хметевского в этот момент был перебит подветренный фока-брас: его формарсель положило назад, и он всем лагом увалился на середину турецкого флота. Присутствие духа и хладнокровие ни на минуту, однако, не покидали ни капитана, ни команды. Пока наверху исправляли брасы, его орудия еще яростнее действовали на оба борта, громя турецкие корабли продольными выстрелами. До какой степени был высок боевой энтузиазм команды, видно из того, что за время всей этой суматохи с корабля «Три Святителя» было сделано по кораблям противника до 600 выстрелов.

Следовавший за ним корабль «Ианнуарий» спешил занять его место за «Евстафием», имея за собой корабль «Три Иерарха». Это было уже в 12 час. 30 мин. Так как «Три Святителя» вместе с турецким флотом был скрыт одно время в густом дыму, то корабль Грейга, идя на свое место за «Ианнуарием», первыми выстрелами доставал и по кораблю Хметевского. К этому времени, впрочем, Хметевский успел уже освободиться из затруднительного положения, по счастью, без особенного вреда, хотя и сближался с неприятельскими кораблями настолько, что одному из них своим бушпритом снес кормовой флагшток вместе с флагом. Сделав поворот, корабль «Три Святителя» снова вступил в линию за кораблем «Три Иерарха» четвертым. За ним в густом дыму входил снова в линию уже пятым и Клокачев на «Европе», далее по порядку туда же шел и «Ростислав» — последний корабль кордебаталии. При этой случайной перемене мест и тесноте корабли не успевали верно соразмерить свой ход: напирал на линию корабль «Три Иерарха», напирал с ходу и «Ростислав», и потому их передние мателоты «Ианнуарий» и «Европа», снова поворачивая один за другим, вступали в линию за «Ростиславом» и снова, зарядив все орудия, открывали беглую канонаду.

В исходе первого часа сражение было в полном разгаре. Все наши корабли подходили вплотную к турецкому флоту — так близко, что ни густой дым, ни гул пушечных выстрелов, заглушавший всякую команду, не могли воспрепятствовать нашим канонирам наводить орудия в корпуса неприятельских кораблей и производить опустошение в густой турецкой колонне. С русских кораблей стреляли ядрами, бомбами, брандскугелями, книпелями — всем, что было ближе к рукам.

Около 1 часа пополудни приблизился арьергард Эльфинстона; завязали дело «Саратов», «Святослав» и вступил уже в линию последний — «Не тронь меня».

В это время корабль «Евстафий», имевший грот-марсель на стеньге, несмотря на самый тихий ветер, доходивший до штиля, понемногу уваливался на передовой турецкий корабль «Реал-Мустафа». Командир и команда были до того одушевлены боем, что от ядер постепенно перешли к картечи, а многие взялись за ружья. Турецкая команда, не выдерживая нашего огня, начала уже бросаться в воду. Пробовали на «Евстафии» взяться за паруса и перевалить фор-марсель. Но брасы оказались перебитыми, да и фор-марсель был сильно расстрелян. Тогда Круз хотел немного удержаться на месте при помощи буксировки гребными судами, но у него в наличии оставались только одна шлюпка и адмиральский катер — все прочие были повреждены во время боя. Во всяком случае на «Евстафии», кроме разве самого капитана, на сближение обоих кораблей все смотрели очень спокойно и даже не без удовольствия. Матросы приготовились к абордажу — принесли наверх люки и сходни. Кое-кто в дыму даже успел по снастям и реям перебраться на рангоут неприятельского корабля. Все приготовились ринуться на него, чтобы окончательно рукопашным боем на палубе овладеть крупным победным трофеем. Как вдруг... на турецком корабле показалось пламя из-под палубы. Это было как бы сигналом к общей атаке. Пользуясь смятением у турок, наши

Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 г.

матросы ворвались отовсюду на турецкий корабль: через порты, абордажные сетки и по русленям. Сам Круз поспешил распорядиться тушить пожар. Выстрелы смолкли. Приведенная в ужас турецкая команда очистила палубы и начала кидаться за борт. Появились мокрые маты, швабры, ведра, топоры, был приготовлен ручной брандспойт. Но тогдашними пожарными средствами в знойный южный день трудно было остановить пламя. Оно бежало по смоленым снастям, охватывало бумажные паруса со страшной быстротой, подобной вихрю, которого никто и ничто не могло удержать.

Создавшаяся угроза гибели флагманского корабля вынудила Спиридова согласно требованиям морского устава перенести свой флаг на другой корабль. Вместе с Федором Орловым и частью своего штаба адмирал на катере перешел на «Три Святителя».

Предпринятые попытки оттянуть «Евстафий» присланными с ближайших кораблей шлюпками не дали результатов.

Все оставшиеся на «Евстафии» бросились спасать свой собственный корабль, потому что на турецком корабле пламя охватило всю грот-мачту и перебегало уже по снастям на «Евстафий». В этот момент подбитая в бою грот-мачта подгорела и с треском свалилась на наш корабль, засыпав его искрами и горящими обломками. Это был критический момент, решивший участь «Евстафия».

С громом взвился к небу страшный столб огня и дыма — корабль взлетел на воздух.[1] Страшная масса

[1] В 1899 г. греческие водолазы получили от турецкого правительства разрешение на исследование морского дна в районе Чесменской бухты. Работа их, по свидетельству иностранных газет, оказалась очень выгодной. Они добыли множество драгоценностей с затонувших от взрыва кораблей; по слухам, они извлекли оттуда до 12 000 крупных и до 20 000 мелких червонцев и большое количество разной другой монеты, разную утварь, серебряные подносы, пушки с русским гербовым орлом, сабли и пистолеты, испорченные в воде. Все эти предметы были отправлены в Константинополь, и на долю водолазов досталась большая сумма денег.

Часть предметов, поднятых с корабля «Евстафий», поступила в Морской музей.

горящих обломков завалила турецкие корабли и наш ближайший корабль «Три Иерарха». Только хладнокровие и распорядительность Грейга спасли его от опасности.

В это время, когда с наших кораблей были посланы шлюпки, сначала для того, чтобы вывести «Евстафий» из его опасного положения, а потом чтобы спасать людей, упавших в воду после его взрыва, на неприятельских судах уже началась паника. Часть людей бросалась за борт и старалась достичь берега. Головные корабли турецкой линии рубили канаты, сдавались по ветру и на буксирах и под парусами спешили укрыться от наших выстрелов.

В минуту взрыва все смолкло, но потом снова еще ожесточеннее возобновился огонь наших кораблей. Не прошло еще и четверти часа, как новый взрыв потряс море и воздух: взорвался «Реал-Мустафа», сражавшийся с Крузом. Это было в 1 час 30 мин. пополудни— турецкие суда уже все обрубили канаты и, начиная с наветренных, сплошной массой, давя и цепляясь друг за друга, кто на буксире, кто по ветру, отходили в сторону Чесменской бухты. Смятение на турецком флоте было полное. Корабли наши и фрегаты, преследуя, осыпали их выстрелами. Четвертый в турецкой линии, адмиральский 100-пушечный корабль, точно так же обрубив канат, запутался в своем шпринге и повернулся кормой к нашему кораблю «Три Иерарха», и Грейг, не пропуская момента, послал ему вдогонку продольный разрушительный залп. В исходе второго часа выстрелы начали смолкать, корабли наши стали на якорь. Сражение прекратилось.

IX

ФЛОТЫ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ

Но сражение еще не окончилось.

Часу в пятом пополудни перед входом в Чесменскую бухту занял место наш бомбардирский корабль

«Гром», начавший бросать бомбы в тесно скопившиеся турецкие корабли.

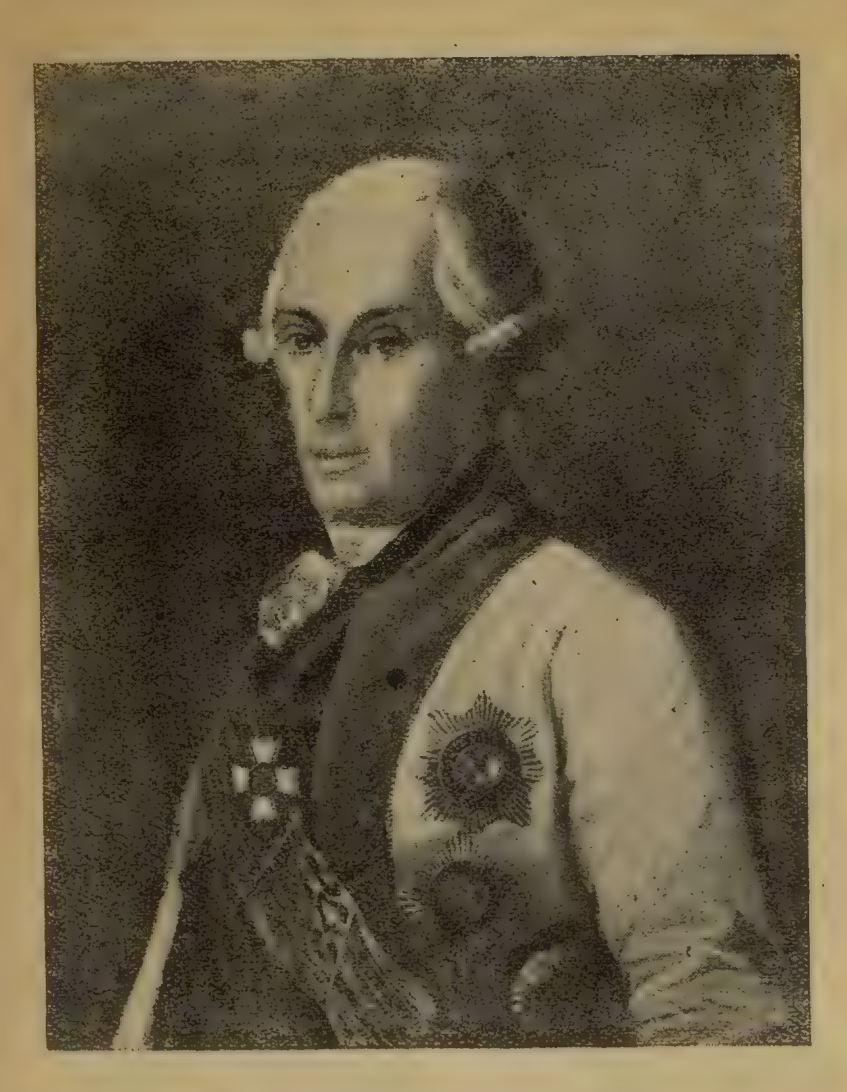
Потери русской эскадры были невелики, и моральное состояние ее команд было превосходное. Непрерывный и меткий огонь русских кораблей скоро приводил к молчанию и в смятение турецкие корабли. Их снаряды, неверно направленные, большей частью били по снастям и рангоуту. Турецкие экипажи настолько не выдерживали нашего огня, что уже в начале сражения многие бросались в воду и спасались вплавь на берег. После взрыва «Евстафия» огонь на турецком флоте почти смолк, тогда как наши суда его усилили. Дым все время очень густо закрывал турецкий флот, и только после взрыва их корабля стало видно, как турецкие суда начали сдаваться по ветру и выходить из боя.

На «Евстафии» погибло 629 человек, в том числе 34 офицера. Спаслось из упавших в воду и со Спиридовым на катере 12 офицеров и 51 человек нижних чинов. Все остальные потери на нашей эскадре заключались в 10 человек убитыми и 45 ранеными. В числе раненых были капитаны — поднятый из воды Круз и Хметевский.

Сейчас же после сражения, в пятом часу пополудни, у графа Орлова был собран совет адмиралов и капитанов, на котором было решено заблокировать турецкий флот в Чесменской бухте и сжечь его там брандерами.

Между тем турки приводили в порядок свои суда и на возвышенностях у входа в бухту возводили батареи. На русской эскадре четыре греческих судна вооружались под брандеры. Их готовили Грейг и цейхмейстер Ганнибал.

Наша эскадра с вечера 24 июня расположилась приблизительно на той же позиции, какую занимал турецкий флот во время сражения: у рифа Колоери на правом фланге — корабль «Европа»; потом по порядку в линии — корабль «Три Святителя», на котором поднял

Адмирал Самуил Карлович Грейг.

свой флаг адмирал Спиридов, далее фрегат «Надежда», корабли «Ианнуарий», «Три Иерарха», «Ростислав», фрегат «Африка», «Не тронь меня», «Святослав» — Эльфинстона и «Саратов», всего 10 кораблей; левый фланг упирался в берег мили на две южнее мыса Кумути. Расстояние между кораблями назначено было по 1 кабельтову, но по тесноте места между рифом Колоери и берегом нашей линии пришлось загнуть фланги в сторону Чесменской бухты; вся линия судов расположена была изгибом приблизительно на румбы NOtO и ONO поперек входа в Чесменскую бухту. Спереди в центре линии поставлен был бомбардирский корабль; малые суда были размещены сзади.

В приказе графа Орлова от 25 июня было сказано:

«Всем видимо расположение турецкого флота, который после вчерашнего сражения пришел здесь в Анатолии к своему городу Эфесу (по голландской карте Чесме), стоя у оного в бухте от нас на SO в тесном и непорядочном стоянии, что некоторые корабли носами к нам на NW, а 4 корабля к нам боками на NO и прочие в тесноте к берегу как бы в куче. Всех же впереди мы считаем кораблей 14, фрегатов 2, пинков 6. Наше же дело должно быть решительное, чтобы флот оный победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению, а именно: приготовленные 4 брандерных судна, на которых командиры гг. Дугдаль, Ильин, Мекензи и князь Гагарин, да корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», под командою бригадира Грейга, и производить нижеследующее:

Господину Грейгу, по его усмотрению, под парусами, а для усыпления неприятеля, лучше на завозах, только бы время не потерялось, около полуночи подойти

к турецкому флоту и в таком расстоянии, чтобы выстрелы могли быть действительны не только с нижнего дека, но и с верхнего».

Далее предписывалось этому отряду начать усиленную пальбу по турецкому флоту и под прикрытием дыма пустить к нему брандеры.

Общая диспозиция судов на предстоящее сражение назначена была в следующем виде.

Отряд Грейга должен был подойти на близкую дистанцию к турецкому флоту, имея на левом фланге фрегат «Надежда», который при содействии фланговых судов второй линии должен был сбивать береговые батареи. Далее по порядку в линии от NO на SW становились корабли «Не тронь меня», «Ростислав» (под брейд-вымпелом Грейга), «Саратов», «Европа» и фрегат «Африка». Посреди этой передней линии назначен был интервал приблизительно в 2 кабельтова, против которого за линией оставался на своей позиции бомбардирский корабль «Гром».

Вторую эскадру, или резерв, должны были составить все прочие корабли флота, расположенные параллельно линии переднего отряда между твердым берегом и оконечностью рифа Колоери, в следующем порядке: пакетбот «Почтальон», корабли «Святослав», «Три Иерарха», «Январий», «Три Святителя» и малый греческий фрегат «Николай».

Все суда должны были занять свои места по диспозиции около полуночи на 26 июня по сигналу Грейга.

В глубине залива, в его юго-восточной части, подле города и крепости Чесме, был расположен скученно в двух плотных линиях турецкий флот. За ним в глубине стояли в беспорядке все прочие его суда. На левом фланге передней линии помещались в куче галеры.

Погода была особенно благоприятна для всяких передвижений судов под парусами: легкий ветер дул довольно устойчиво от севера, т. е. в бакштаг для судов,

идущих в бухту. Длинный, жаркий, почти душный день сменила южная теплая лунная ночь.

X

ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Уже с вечера 24 июня и днем 25-го бомбардирский корабль наш вел огонь по турецкому флоту: у турок на судах раза два или три была замечена тревога и показывались на палубах дым и огонь.

По приказу Орлова движением действующего отряда должен был распоряжаться Грейг, назначивший выступление около 12 часов ночи. Но потому ли, что Спиридов находился в нетерпении или имел еще зуб на Клокачева за его маневр во время вчерашнего сражения, но уже в 11 час. 30 мин. Спиридов приказал Клокачеву в рупор тотчас же сниматься с якоря и итти на неприятеля.

Исполняя это приказание, корабль «Европа» в 11 час. 30 мин., вступив под паруса, направился занять свое место по диспозиции и, в начале первого часа приблизившись к турецкому флоту, был засыпан неприятельскими ядрами. В 12 час. 30 мин. Клокачев стал на якорь в юго-западной части залива и открыл канонаду ядрами и брандскугелями по самому центру турецкого флота. В исходе первого часа на свое место подошел корабль Грейга «Ростислав», имевший за собой брандеры; он стал на якорь в линии с «Европой» и также открыл огонь; за ним с обеих флангов выстроили линию и прочие суда отряда. Но еще не успели они открыть огонь, как в дыму на одном из наветренных турецких кораблей в середине передней линии показался огненный язык. Или один из брандскугелей «Европы», или бомба с бомбардирского корабля попала в марс турецкого корабля, произведя пожар. Пламя с марса охватило мачту, побежало по стень-вантам, фордунам,

штагам и прочим снастям, и стеньга турецкого корабля, охваченная пламенем, рухнула на его палубу. На флоте у турок поднялась суматоха, и в это время по сигналу начали атаку наши брандеры. Это было в начале второго часа пополуночи.

Между тем на турецком корабле горели уже и прочие мачты. Огонь бежал по штагам, вантам, русленям, и ветром относило обрывки горящих снастей и парусов на ближайший подветренный корабль. Вскоре вспыхнул и этот второй корабль.

В этот момент в бухту стали под всеми парусами входить брандеры. Это были довольно большие греческие суда, наполненные горючим материалом и снабженные зацепами.[1] Командовали брандерами охотники: два русских и еще два английских офицера, которые поступили на службу во время пребывания нашей эскадры в Англии. Русские были лейтенант Ильин и мичман князь Гагарин; англичане: капитан-лейтенанты Дугдаль, а другой Ф. Ф. Мекензи, бывший впоследствии первым командиром и строителем Севастопольского порта.

Вся команда брандеров также состояла из охотников с эскадры, которых оказалось больше, чем требовалось для дела.

В исходе второго часа ночи в дыму посреди турецкого флота взлетели на воздух один за другим два горевших линейных корабля. Из брандеров дошли до места два, но только Ильин успел удачно зажечь один из наветренных турецких кораблей.

Впрочем, флот турецкий уже пылал: загорелся уже и третий корабль, а после взрыва двух первых огонь появился во многих местах, и наши корабли получили

---

[1] Особые крючья на ноках реев и на выступах борта для более надежного удержания брандера у атакованного им корабля. Цепляясь за снасти, штаги и ванты, эти крючья затрудняли противнику отбуксирование брандера от борта судна. *Ред.*

приказание оттянуться на шпрингах на безопасное расстояние.

В 2 часа 30 мин. снова раздались оглушительные взрывы — один, другой, третий, и три турецких корабля, один за другим, поднялись на воздух, — их днища продолжали пылать, а вскоре запылало и еще до 40 других судов. Страшные языки пламени вздымались в воздухе, почти сливаясь друг с другом и освещая окрестность заревом. Дым клубами несло к небу, далеко разнося и застилая землю. Море было усеяно трупами и обломками; повсюду раздавались вопли. В начале четвертого часа посреди этого огненного хаоса взлетел на воздух еще один корабль, шестой по счету. В начале пятого часа снова раздались два оглушительных удара: взлетели один за другим два линейных корабля и затем еще несколько меньших судов.

С рассветом воздух был мрачен и наполнен огнем, дымом и копотью.

Два наветренных турецких корабля и несколько малых судов еще не сделались жертвой огня, и к ним были посланы шлюпки, чтобы по возможности вывести их из огня. Шлюпками командовали лейтенант Карташев и капитан-лейтенант Мекензи. Им удалось вывести оба корабля... как вдруг подувшим с берега ветром один из высвобожденных кораблей был засыпан головнями и загорелся. В результате Карташев успел вывести только один 60-пушечный корабль «Родос» да еще вывели шесть галер. Все прочее было в огне.

В начале шестого часа взлетели на воздух еще 2 турецких корабля — девятый и десятый, потом еще несколько судов. В 5 час. 30 мин. утра взорвался одиннадцатый корабль; в седьмом часу еще раздался страшный оглушительный удар и подняло на воздух сразу 4 последних корабля. В девятом часу утра окончились взрывы прочих судов, но весь залив был в огне, и вода его была перемешана с кровью и золой. Наши шлюпки, спасавшие утопавших и раненых, с трудом

проталкивались между обезображенными трупами людей и плавающими обломками и головнями.

Всего взорвано и сгорело 15 кораблей, 6 фрегатов, 6 корветов, или шебек, и 40 других военных и транспортных судов, т. е. всего 67 судов и до 300 шлюпок. Потери турок — до 11 тысяч.

XI
ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегическим результатом этой исключительной победы явилось наше господство на всех турецких морях: в Архипелаге и на Черном море.

Орлову по справедливости принадлежит особая заслуга. Он умел хорошо организовать совет из моряков и умел мнения этого совета хорошо выполнить. Мы не всегда находим это во многих наших последующих военных событиях, когда флотом командовали полновластные его начальники-моряки, конечно, может быть, и неудачно избранные. Здесь же мы видим, напротив, что хорошие советы принимались в строгий расчет и средства избирались энергичные и решительные, от которых ничего не теряют военные операции. Мы видим, что эти избранные средства приводились в исполнение с блестящей отвагой, чувство самосохранения не имело места, и вполне очевидно, что голоса на совете принимались от людей наиболее отважных.

Между этими людьми нам можно будет указать по всей справедливости, во-первых, на Грейга.

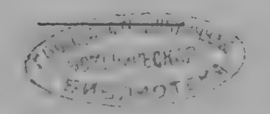
Грейг был командиром того корабля, на котором находился Орлов. А если примем в расчет, что Орлов не был никогда моряком, то по естественному ходу вещей Грейг должен был вместе исправлять и обязанность его начальника штаба, — другого лица при Орлове в этой должности не было. Грейг же был отважный и находчивый моряк, и он как ближайший советник

Орлова должен почитаться одним из главных героев чесменского дела. Это подтверждается также и полученной им высокой наградой. Ему дан был орден Георгия 2-й степени и производство в контр-адмиралы. Далее как на храбрейших следует указать на Спиридова, Круза, Клокачева и Хметевского: несомненно, они были умелыми командирами своих кораблей в самом жарком огне, и все их подчиненные под их руководством исполнили долг свой с замечательным самоотвержением: у орудий действовали хладнокровно и в самые критические минуты только усиливали огонь до предела. Парусами они управляли как на маневрах: под градом неприятельских ядер корабль «Европа» три раза поворачивал оверштаг и вступал в свое место. Ни один корабль не начинал стрельбы, пока не становился борт о борт с неприятелем и пока каждый из выстрелов не мог назваться прицельным.

В тактическом отношении бой 24 июня в Хиосском проливе мог бы быть проведен более организованно, если бы корабли, встав на якорь, завели шпринги. Это избавило бы нас от потери «Евстафия» и сам бой имел бы более решительный характер. Здесь же корабли вступали в бой почти поочередно.

В сражении 26 июня главный удар возлагался на брандеры. Эскадра, входившая в Чесменский залив, назначалась только для их прикрытия.

В этом бою победу довершили случайно же Клокачев или Ганнибал, но довершили бы ее и брандеры, потому что из числа четырех два достигли цели. Во всяком случае дело доделано было мастерски. Русские моряки показали высокое искусство. Так, в ночь на 26 июня корабль «Европа» в течение с лишком получаса один сражался со всем турецким флотом и выпустил в него до сотни бомб и брандскугелей, не считая ядер. Такие же мужество и искусство были проявлены командирами и экипажами и всех остальных кораблей.

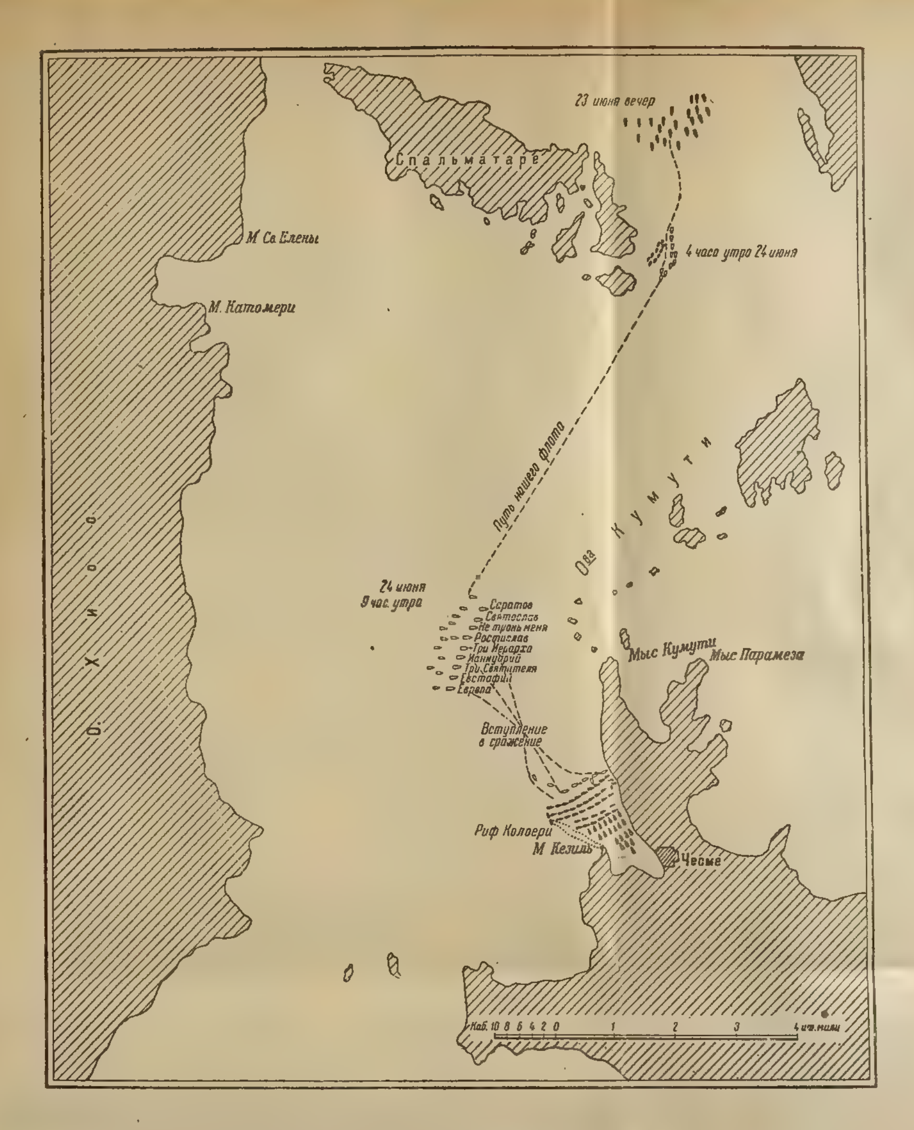

Схема боя в Хиосском проливе 24 июня 1770 г.

Схема Чесменского сражения 26 июня 1770 г.

Содержание

Редактор *Н. С. Кровяков*

Подписано в печать 26/I 1944 г.
Печ. л. 4+1 вкл. Печ. зн. в 1 п. л. 29696
Уч.-авт. л. 3,2. Зак. 706.

2-я типо-лит. УВМИ. ГМ 101063

1 р. 20 коп.

